

ISSN 2219-5246
ISSN 2500-2783 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

Доп. выпуск, 2017

Юриспруденция. Социальная работа. Химия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60994 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(*председатель*)

С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(*зам. председателя*)

В. И. Назаров, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)

К. Я. Авербух, д-р филол. наук
(Москва)

Ю. М. Воронов, д-р полит. наук

Н. В. Усольцева, д-р хим. наук

Ю. М. Резник, д-р филос. наук
(Москва)

О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

Л. В. Михеева
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

Б. Я. Солон, д-р физ.-мат. наук
(*главный редактор серии*)

В. Н. Назаров, д-р психол. наук

Т. А. Воронова, канд. пед. наук

М. В. Клюев, д-р хим. наук

В. А. Исаев, д-р биол. наук

Д. И. Молдаванский, д-р физ.-мат. наук

Е. В. Соколов, канд. физ.-мат. наук

В. А. Годлевский, д-р техн. наук

Л. И. Минеев, канд. техн. наук

О. В. Кузьмина, канд. юрид. наук

Д. В. Кареев, канд. ист. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2017

ISSN 2219-5246
ISSN 2500-2783 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «Natural, Social Sciences»

Additional issue, 2017

Jurisprudence. Social Work. Chemistry

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere
of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФЦ77-60994 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov**, Doctor of Economics
(*Chairman*)
- S. A. Syrbu**, Doctor of Chemistry
(*Vice-Chairman*)
- V. I. Nazarov**, Doctor of Psychology
(*Vice-Chairman*)
- K. Ya. Averbukh**, Doctor of Philology
(Moscow)
- Yu. M. Voronov**, Doctor of Politics
- N. V. Usoltseva**, Doctor of Chemistry
- Yu. M. Reznik**, Doctor of Philosophy
(Moscow)
- O. A. Khasbulatova**, Doctor of History
- L. V. Mikheeva** (*Secretary-in-Chief*)

Address of the editorial office:
153025 Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

«NATURAL, SOCIAL SCIENCES»:

- B. Ya. Solon**, Doctor of Physics
and Mathematics
(*Chief Editor of the Series*)
- V. I. Nazarov**, Doctor of Psychology
- T. A. Voronova**, Candidate of Science,
Pedagogics
- M. V. Klyuev**, Doctor of Chemistry
- V. A. Isaev**, Doctor of Biology
- D. I. Moldavansky**, Doctor of Physics
and Mathematics
- E. V. Sokolov**, Candidate of Science,
Physics and Mathematics
- V. A. Godlevsky**, Doctor of Technical Science
- L. I. Mineev**, Candidate of Technical Science
- O. V. Kuzmina**, Candidate of Science, Law
- D. V. Kareev**, Candidate of Science, History

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Юриспруденция

Карлявин И. Ю. Цивилистическая герменевтика в римский период. Правовой обычай и закон	5
Коваль С. П., Цветков М. Ю. Административная юстиция в Украине: актуальные вопросы становления и развития	11
Козлов П. А. Компоненты игры как составляющие части юридического правоотношения	17
Ойкин В. Г. К вопросу о кодификации социально-обеспечительного законодательства	19
Поцелуев Е. Л. Амнистии временного правительства России в марте 1917 г.	25
Таибова О. Ю. Актуальные вопросы административной ответственности несовершеннолетних в Российской Федерации	31
Тресцова Е. В. Права на недвижимое имущество и их обеспечение в механизме осуществления нотариальной деятельности	36

Социальная работа

Пушина В. Н. Женское супружеское насилие: истоки, формы, последствия	40
---	----

Химия

Крылов Е. Н., Маслова С. В. Сульфонилирование ароматических углеводов как функция молекулярного электростатического потенциала реакционного центра	47
<i>Сведения об авторах</i>	51
<i>Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета»</i>	53

CONTENTS

Jurisprudence

Karlyavin I. Y. Civil hermeneutics during the Roman period. Judicial custom and law	5
Koval S. P., Tsvetkov M. Y. Administrative justice in Ukraine: important questions of formation and development	11
Kozlov P. A. Components of the game as the components of the legal relationship	17
Oykin V. G. The question of the codification of social security legislation	19
Potseluev E. L. Amnesties of the [Russian] provisional government march 1917	25
Taibova O. Y. Topical issues of administrative responsibility of minors in Russian Federation	31
Trestsova E. V. The rights to real estate and their providing in the mechanism of implementation of notarial activities	36

Social work

Pushina V. N. Women's maternal disturbance: origins, forms, consequences	40
---	----

Chemistry

Krylov E. N., Maslova S. V. Sulphonilation of aromatic hydrocarbons as a function of molecular electrostatic potential on reaction centre	47
<i>Information about the authors</i>	51
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	53

ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА В РИМСКИЙ ПЕРИОД. ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ И ЗАКОН

В настоящей статье говорится о том, как и в каких формах зарождалась и получала свое развитие юридическая герменевтика в Древнем Риме. Именно в этот период происходит становление цивилистической герменевтики со своими особенностями, со своим конструктивным подходом к толкованию и применению таких источников права как обычай и закон.

Ключевые слова: герменевтика, римское частное право, цивилистика, римский обычай и закон.

This article refers to the forms of the birth and the development of the judicial hermeneutics in ancient Rome. The formation of the civil hermeneutics with unique characteristics, with constructive approach of interpretation and using the sources of law like custom and law happens during this period.

Key words: hermeneutics, Roman private law, civil, Roman custom and law.

Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними – в тоже время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище и ничего более. И не от отчаяния буду плакать, а лишь просто потому, что буду счастлив пролитыми слезами моими. Собственным умилением упоюсь
Ф. М. Достоевский

Проблема унификации юридической терминологии и методологии есть часть более глобальной проблемы, – выработки единого и стройного взгляда на частное право как в рамках национальных правовых традиций, так и в интернациональных правовых системах, примером последней может служить Европейское Сообщество. В этой связи современные исследователи ставят перед собой такие извечные вопросы как: может ли процесс современного правоприменения быть описан через общие принципы и при этом сохранить свою объективность?, существует ли общая точка отсчета, в конструировании таких принципов, опираясь на которую можно было бы выносить судебные решения? Эти вопросы, по мнению Томаса Хеннингера (Thomas Henninger), стоят перед европейской методологической наукой [8, p. 1].

На сегодняшний день основная сложность на пути унификации правоприменительного процесса – это разнообразие методологий толкования правовых норм, сложившихся в европейских странах. Речь по сути дела идет о степени развития юридической герменевтики как искусстве толкования.

В Германии, по мнению Хеннингера, методология толкования выстроена в соответствии с канонами, продиктованными Фридрихом Карлом фон Савиньи (Friedrich Karl von Savigny), в Швейцарии используется законотворческая методика Ойгана Хубера (Eugen Huber), французская правоприменительная практика вот уже более двухсот лет со дня издания Code civil ограничивается грамматическим и логическим толкованием, в Великобритании судопроизводство основано на преюдиции. Европейский Суд (EuGH) как общеевропейский орган всеми силами пытается осознать эти различия и принимать их к сведению, как и то, что в различных государствах сложились разные экономические и социальные условия и собственное стремление к гармонизации правовой действительности [8, р. 1–2].

Особое место в ряду существующих методологических представлений толкования и применения правовых норм занимает российская правовая доктрина. Это связано с тем, что российская цивилистическая наука за последние сто лет вслед за российским обществом претерпевала последствия революционных потрясений и нестабильности в преемственном ряду цивилистических школ и направлений. Традиционно методология российской цивилистической науки ориентировалась на западноевропейские ценности, прежде всего германского и французского толка, а российское законодательство вбирало в себя постулаты германской и французской правовых систем. Вместе с тем, российская правоприменительная практика далеко не всегда шла по западноевропейскому пути, а сегодня, на наш взгляд, становится понятным, что знание зарубежной правовой доктрины – лишь подспорье в выборе и обосновании своего собственного пути развития российской цивилистической науки. Связующим звеном между российской цивилистической доктриной и западноевропейскими научными направлениями является философия и теория права, корни которой следует искать в греко-римском праве.

Греко-римское правовое наследие представляет собой, прежде всего, комплекс источников права, первое место среди которых занимает римский обычай (consuetudo). Римско-правовая (цивилистическая) герменевтика берет свое начало от понимания и применения обычая.

Сходство латинских терминов *interpres* (посредник, толкователь) и *interpretatio* (толкование) позволяет говорить о том, что толкователь являлся посредником между складывающимися в результате определенных действий римских граждан общественными отношениями и существовавшим в римском обществе устройством или, лучше сказать, правовым порядком.

Римские граждане как общество людей, объединенное общей целью, составляли определенный общественный организм, который совершенно естественно должен был подчиняться своим собственным закономерностям развития. Такое развитие не могло существовать без предписаний, имеющих общеобязательный характер. В соответствии с этими предписаниями выстраивались как внешние отношения римской общины, так и внутренние, между римскими гражданами. Римский юрист Гай различает две сферы правовой регламентации, по всей видимости, различные, но необходимые для римского восприятия. Первая – собственное право, состоящее из законов и обычаев, – это право, которое римский народ установил сам для себя и называется оно правом гражданским, «свойственным своим гражданам». «А то право, которое установил естественный разум, применяется и защищается одинаково у всех народов и называется правом общенародным, как бы правом, которым пользуются все

народы. Таким образом, римский народ пользуется отчасти своим собственным правом, отчасти правом, общим всем людям» [6, с. 17].

Принято считать, что предписания, определяющие внешнюю деятельность членов какого бы то ни было общественного организма, и устанавливающие отношение его членов между собой и к целому обществу, называются юридическими законами. Юридический закон, имеющий целью нормировать необходимый порядок в известном обществе, касается только внешних поступков, то есть таких действий свободной человеческой воли, которые проявляются во вне настолько, насколько эти действия могут иметь последствия для общественного порядка. Нравственный закон, наоборот, касается всех внутренних движений человека, его стремлений и намерений. Пока эти стремления и намерения не посягают на права и интересы других лиц, пока они не проявятся, как бы дурны они не были, они не могут подлежать суду юридического закона. Однако бесспорным является и тот факт, что между поступками людей и их внутренними стремлениями и намерениями есть прямая связь, что позволяет говорить о расширении действия нравственного закона [5, с. 5]. Действия в юридическом аспекте подразделяются на разрешенные и неразрешенные правом. Оба качества, по мнению Густава Хуго (Gustav Hugo), могут быть охарактеризованы в юридическом аспекте но, ни в коем случае, не в моральном (*keinesweges in bloss moralischer*). В правоприменительной практике часто происходит так, что определяется легальное, выраженное действие, а не его моральная сторона. Ощущение моральной стороны поступка является весьма важным в случаях с неразрешенными, запретными действиями, когда тот, кто действует, находится в состоянии *in mala fides*. Это в свою очередь означает, что такое действие является юридически недозволенным [9, р. 53].

Важным во все времена развития римского государства, в особенности до издания Законов XII таблиц, источником права являлся обычай (*consuetudo*) [10, р. 37]. Источником обычая является непосредственное убеждение членов известного общества в продолжительном сохранении и исполнении чего-либо такого, что является необходимым для общества. Чтобы обычное право могло существовать, оно должно заключать в себе истину. Важность обычая настолько оправдана, насколько он поддерживается и сохраняется представителями римской общины. Георг Фридрих Пухта (Georg Friedrich Puchta) отмечал, что римский обычай занимает первое место среди источников римского права еще и потому, что это есть естественная форма, существующая от сотворения мира. Она не столько ощущается органами чувств, сколько полностью подвержена исследованию духовному, духовному восприятию. Последнее его качество позволяет говорить об обычае как о носителе чистой правды. В общем и целом речь идет о родстве чувственного и волевого начала, познания и осознания народного духа, общности языка, авторства, общности правовых убеждений, согласованности нравственных и религиозных взглядов [11, р. 3].

Обычай имеет двойственную природу. С одной стороны, он черпает силу в идеальной, поэтической, божественной сферах. Реализацию же свою он находит в конкретных жизненных обстоятельствах. Это та форма происхождения права, которая служила непосредственному выражению национального убеждения о правовой свободе, которая существовала уже сама для себя, без какого бы то ни было искусственного посредничества. Обычное право возникало и претерпевало становление естественным путем, не иначе как путем влияния

(воздействия) народных убеждений на поведение отдельных его членов. Это непосредственное естественное право, именуемое часто нравами (*mores*), – потому, что возникает естественно и существует в силу привычки [11, р. 9–10].

Надо полагать, что толкование положений обычного права происходило двояким образом. Во-первых, при применении обычая самими римскими гражданами, во-вторых, царем или судьей при нарушении норм обычая или претором при вынесении эдикта, а значит и путем комментария эдиктов. В разное время развития римского общества советы и комментарии по правильному пониманию и применению норм права давались римскими жрецами, позднее римскими юристами. И. С. Иоффе отмечает, что формально понтифики признавались советниками магистров и римских граждан по вопросам религиозного культа и правилам, которыми регулировались отношения к культу. Фактически же они были единственными знатоками и истолкователями римского права в период доклассической юриспруденции [3, с. 18].

Альбрехт Еркслебен (*Albrecht Erxleben*) в своей работе «Введение в римское частное право» (*Einleitung in das Römische Privatrecht*) утверждает, что обычай есть проявление такого процесса, когда всеобщее самосознание народа рассматривается в качестве источника правовых норм, находит внешнее выражение как сознание отдельного человека, как форма непосредственного сознания. Этому сознанию вполне может соответствовать определенная правовая норма и одновременно воздействовать на него извне. Таким путем, каждый человек, подпадая под такой порядок, осознает себя как часть народа. *Mores* (*Sitte*) и *consuetudo* (*die Gewohnheit*) действуют сами по себе, как нечто пришедшее от предков; существуют в формах, дошедших от древности, благодаря длительному употреблению, которые действуют как некое практическое обстоятельное начало в повседневной жизни; которые имеют глубокие корни и характеризуются некоей неизбежностью для отдельно взятого лица. Если постараться ответить на вопрос: есть ли какая-либо сила, которая могла бы объединить обычай, то ответ будет однозначным – это правовое уважение к обычаям, которое в свою очередь покоится на убеждении в том, что обычаи гарантированы силою правовых убеждений, сложившихся в народе. Это есть то качество, которое выделяют в обычаях римские юристы [7, р. 17–19].

Толкователь всегда был лицом, уполномоченным определять соответствие или несоответствие действия (поступка) лица или лиц с тем, как эти действия нужно было совершать. Первым толкователем (посредником) между правилами общественного спокойствия и действиями отдельных лиц в древнем Риме выступал царь. Судебный процесс возникал только в том случае, если было нарушено общественное спокойствие, другими словами, нарушались интересы или государства, или частных лиц. Соответственно этому судебный процесс мог быть или государственным, или частным. Нарушениями общественного спокойствия являлись случаи государственной измены или сообщничества с неприятелем, соединенного с насилием неповиновение властям. Нарушителями общественного спокойствия признавались также злостные убийцы, мужеложники, оскорбители девичьей или женской чести, поджигатели и лжесвидетели. Судебное разбирательство производил царь, выслушав мнение своих советников [4, с. 132–133].

Толкование (разъяснение, выяснение, определение) того, нарушено или нет общественное спокойствие, когда речь шла об исполнении обязательств, вытекающих из отношений частного-правового характера, дифференцировалось в зависимости от того, чьи интересы нарушались. Нарушение государственных

интересов трактовалось как абсолютно недопустимое деяние. В этом случае должника продавали вместе со всем его имуществом; для удостоверения долга достаточно было того, что он взыскивался государством. Если же частное лицо приносило жалобу царю, то разворачивался состязательный процесс. Однако преступления против собственности как основы римского общественного устройства, такие как воровство, вредительство, самовольный захват, неуплата долгов, признавались римской общиной, а вслед за ней и царем, преступлениями, направленными против общественного спокойствия [4, с. 134–135].

Римская община в лице царя являлась хранителем общественного спокойствия, а правовыми нормами, регламентирующими общественные отношения, являлись римские обычаи. Логично предположить, что римские обычаи, состоящие с лингвистической точки зрения из языковых форм, воспринимали, прежде всего, римляне и латины – люди, владевшие латинским языком как своим родным. Постепенно с распространением латинского языка и латинской (римской) культуры стали распространяться, наполняясь соответствующим содержанием, и правовые формы.

Целью всякого толкования является определение значения отдельного правового отношения, другим словами, толкователь обязан выразить словами ту мысль, которая была бы способна оградить существование данного правоотношения от заблуждения и своеволия. Чтобы достигнуть этого, правоприменители, они же и толкователи римского обычая, должны были ясно и в полной мере сами понимать эту мысль.

Сфера применения римского обычая – это, прежде всего, отношения, основанные на традициях, существовавших в римском обществе: брачно-семейные, наследственные, связанные с опекой. Так римский юрист Помпоний отмечает, что вольноотпущенник не может вступить в брак с отпущенной из рабства (своей) матерью или сестрой; такое право введено обычаем, но не законом (D. 23. 2. 8) [6, с. 530]. Гай и Ульпиан, рассуждая о власти безумного отца над детьми, отмечают, что в силу обычаев, дети, рожденные от безумного отца остаются под его отцовской властью, поскольку были рождены в законном браке, «право это есть особенность (исключительное достоинство) римских граждан, ибо почти нет других народов, которые имели бы над детьми такую власть, какую мы имеем» [6, с. 548].

Необходимым элементом толкования обычая, наряду с логическим, часто становится критерий верности долгу, клятве, честности, любви, то есть нравственный критерий, который не всегда подчинялся законам формальной логики. Смысл существования обычая, – если это возможно, то определить и сохранить наличие этих качеств вне связи с легкомысленностью, предательством, обманом, ненавистью в гражданских правоотношениях. Так, Ульпиан отмечает, что в силу обычаев у нас принято, что дарения между мужем и женой не имеют силы. Принято это для того, чтобы в силу взаимной любви (супруги) не отнимали путем дарений (имущества) друг у друга, не соблюдая меры и (действуя) с легкомысленной расточительностью в отношении себя [6, с. 548].

На определенном этапе развития римского общества, с принятием Законов XII таблиц римский обычай, по крайней мере, в правовой сфере стал тесно взаимодействовать с законом. Обычай и закон имеют одинаковую природу, волю римского народа, только в первом случае эта воля находит отражение в виде всенародного голосования, во втором – «путем дел и действий». «Поэтому, – отмечает римский юрист Юлиан, – «весьма правильно принято, что законы отменяются не только голосованием законодателя, но

даже молчаливым соглашением всех путем неприменения. Препятствующий, укоренившийся обычай заслуженно применяется как закон, и это право называется правом, установленным нравами» (D. 1. 3. 32, 33) [1, с. 115]. Обычай и закон в римском обществе взаимодействуют, определяя различные сферы общественных отношений, в частности, устанавливая и разъясняя основополагающие нравственно-правовые категории. Например, нравственная честь – это статус нерушимого достоинства, утвержденный законами и обычаями, который на основании законов в связи с нашим деликтом может или уменьшаться или ликвидироваться (D. 50. 13, 5) [2].

Другая грань взаимодействия закона и обычая такова, что обычай применяется тогда, когда отсутствует писанный закон. Обычай же нужно применять, изучив его, «поддерживается ли он судебными приговорами», – как отмечает Ульпиан (D. 1. 3. 34).

Представления, сложившиеся в силу обычая, с одной стороны непререкаемы и должны соблюдаться «как молчаливое соглашение граждан не менее, чем написанное право (D. 1. 3. 35), с другой стороны, если обычай не разумен и основан на ошибке, то он не должен иметь силу в сходных случаях (D. 1. 3. 38). Это замечание, на наш взгляд, говорит о диалектичности, то есть не косности, а достаточной гибкости обычаев.

Обычай служит важным подспорьем в толковании римских законов. Римский юрист Павел отмечает, что если дело идет о толковании закона, то, прежде всего, следует выяснить, каким правом пользовалось государство ранее в случаях такого рода, ибо обычай является лучшим толкователем закона (D. 1. 3. 37) [1, с. 115]. Примером может служить довольно сложно, с логической точки зрения, объяснимая ситуация, сложившаяся в Риме в отношении гражданских должностей, в частности должности судьи. Павел в 17-ой книге «Комментариев к эдикту» пишет, что назначению на должность судьи препятствуют закон, природа иди обычай. Если природа препятствует назначению в судьи лицам, имеющим такие недостатки как глухота, немота, безумие, несовершеннолетие; закон видит препятствие для лиц, исключенных из сената, то обычай препятствует к занятию должности судьи женщинам и рабам (D. 5. 1. 12, 2) [2]. Чтобы объяснить данный запрет, Павел не ограничивается только ссылкой на обычай, он разворачивает целую систему аргументов, которыми доказывает то, что совершенно оправданно женщинам запрещено занимать государственные должности, и это есть для них большое благо.

Из приведенного исследования видно, что основополагающим цивилистическим источником права являлся римский обычай, затем появляется закон. Римский обычай и закон обречены на взаимосуществование, поскольку имеют одну природу, то есть основаны на воле римского народа. Вместе с тем, римский обычай имеет особенности истолкования, он получает свое разъяснение, как правило, в ходе применения. Это разъяснение дают, прежде всего, его применители сами себе. И только в случае спора обычай истолковывается лицами, облеченными властью.

Библиографический список

1. Дигесты Юстиниана /Перевод с латинского. Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002. 583 с.
2. Дигесты Юстиниана // Библиотека Гумер. Право и Юриспруденция/www.gumer.info/bibliotek.Buks/Pravo/digest/index.php

3. *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теорий «хозяйственного права». М.: Статут, 2005. 777 с.
4. *Моммзен Т.* История Рима до битвы при Пидне. СПб.: Наука, Ювента, 1994. 732 с.
5. *Никодем епископ далматинский* Православное церковное прав. СПб.: Типография В. В. Комарова, 1897. 708 с.
6. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
7. *Erxleben A.* Einleitung in das Römische Privatrecht. – Göttingen.: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1854. 496 p.
8. *Henninger T.* Europäisches Privatrecht und Methode. Entwurf einer rechtsvergleichend gewonnenen juristischen Methodenlehre. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. 505 p.
9. *Hugo G.* Lehrbuch des heutigen römischen Recht. Vierter Band. Berlin: by August Mylins, 1826. 362 p.
10. *Kuntze J. E.* Institutionen und Geschichte des Römischen Recht Bd. 1. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1869. 776 p.
11. *Puchta G. F.* Das Gewohnheitsrecht. Erster Theil. Erlangen: in der Palm'schen Verlagsbuchhandlung, 1828. 234 p.

ББК 67.401.01

С. П. Коваль, М. Ю. Цветков

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ В УКРАИНЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Проанализированы важные вопросы становления и развития административной юстиции в Украине. Рассматриваются правовые основы деятельности административных судов. Представлены результаты реформирования данных судов в 2016–2017 гг. Проводится связь понятий «административная юстиция» и «административное судопроизводство».

Ключевые слова: административная юстиция, Конституция Украины, суды Украины, административный процесс, судебная защита, административное судопроизводство.

Analyzed important questions of formation and development of administrative justice in Ukraine. Discusses the legal basis of activity of administrative courts. The results of reforming of the ships in 2016–2017gg. Is the relationship of the concepts of "administrative justice" and "administrative proceedings".

Key words: administrative justice, the Constitution of Ukraine, the Ukrainian courts, administrative process, judicial protection, administrative proceedings.

Реформы в области демократических свобод осуществляются с учетом основополагающих принципов права. Один из определяющих аспектов формирования демократических институтов в государстве – определение правовых основ взаимоотношений органов публичной власти и граждан. С этой целью правовая система государства должна содержать в себе комплекс процедурных и процессуальных инструментариев для реализации и защиты гражданами своих прав и свобод в сфере государственно-правовых отношений.

© Коваль С. П., Цветков М. Ю., 2017

Среди таких инструментариев защиты прав человека и гражданина особенное место отведено институту административной юстиции.

При построении в Украине демократического государства важное место отведено реформированию административно-правовых отношений в Украине. Новый этап научных исследований актуальных проблем, которые касались защиты субъективных публичных прав и интересов физических и юридических лиц, начат с провозглашением курса на установление и развитие административной юстиции в Украине.

Вопросы административной юстиции раскрыты во многих научных трудах украинских и зарубежных ученых. До начала работы административных судов юридическая наука административное право рассматривала только теоретические вопросы института административной юстиции, его место в украинском административном праве, и только после начала работы административных судов в Украине начались многочисленные исследования его сути и назначения, первых результатов практики применения необходимых законодательных норм. Идеи административной юстиции в Украине были впервые рассмотрены в научных трудах В. Б. Аверьянова, В. М. Бевзенка, С. В. Кивалова, Т. А. Коломоец и других авторов. Сегодня представители науки административного права занимаются вопросами усовершенствования института административной юстиции в Украине, особенно проблемами административного судопроизводства.

Становление административной юстиции в зарубежных странах охватывает различные периоды: в странах Европы и Великобритании процесс обоснования административной юстиции приходится на конец XVII – начало XX в.; в США, Канаде и в Австралии развитие административной юстиции было начато после окончания Второй мировой войны; в странах Восточной Европы и постсоциалистических странах начался в 90-е годы XX в.

Становление и развитие административной юстиции в Украине неразрывно связано с историческими условиями, в которых находилось государство. Вопрос о становлении административной юстиции в Украине необходимо рассматривать сквозь призму тех государств, в состав которых она входила (Российская империя, Австро-Венгрия, Украина в составе СССР). В те времена административная юстиция не могла найти своего выражения на украинских землях, потому что Украина не была субъектом международного права. Только в 1917–1920 гг. поднимался вопрос о целесообразности существования органов административной юстиции на территории Украины (в период Украинской Народной Республики, Украинской державы) [3, с. 12].

В СССР неоднократно поднимался вопрос о необходимости создания органов административной юстиции. Это было вызвано следующими причинами: пересматривалась теория административного права; система государственных органов нуждалась в независимом контроле; необходимо было реформировать порядок обращения граждан со своими жалобами и заявлениями в органы государственной и судебной власти.

Процесс развития административной юстиции в Украине активизировался с провозглашением независимости государства.

В процессе становления административной юстиции был принят ряд важных нормативных правовых актов. Верховная рада Украины своим Постановлением утвердила Концепцию судебной реформы в Украине, один из пунктов которой включал в украинскую судебную систему специальные суды. Главную роль в процессе установления административной юстиции

сыграла Конституция Украины 1996 г. Статья 55 нормативно закрепила, что права и свободы человека и гражданина защищаются судом, а потому каждому гарантируется право на обжалование в суде решений органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц. Статья 125 устанавливает, что система судов общей юрисдикции в Украине строится по принципам территориальности и специализации.

22 июля 1998 г. была утверждена Указом Президента Украины Концепция административной реформы, которая сыграла важную роль в развитии административной юстиции в Украине. Она предлагала реформировать систему органов исполнительной власти, института государственной службы и административного процесса. Главное в проведении административной реформы – создание необходимой нормативной базы для внедрения в Украине административных судов [1, с. 24–30].

С принятием Конституции Украины стал вопрос о создании административных судов в Украине. Практики, ученые-юристы высказывали различные мнения по установлению системы административных судов в Украине. Самой особенной была идея о создании регионального административного суда. 7 февраля 2002 г. был принят Закон Украины «О судеустройстве Украины». Данный закон предусмотрел систему административных судов:

- Окружные административные суды (по одному суду в каждой области, в Крыму, Киеве и Севастополе – всего 27 судов);
- Апелляционные административные суды (один суд охватывает юрисдикцию нескольких областей; всего 9 судов);
- Высший административный суд Украины;
- Судебная палата в административных делах Верховного суда Украины.

Согласно положениям законодательства Украины, окружные административные суды должны иметь укомплектованный состав судей, председателей и заместителей председателей этих судов, аппарат государственных служащих. Состав апелляционных административных судов подобен составу окружных административных судов. В их составе могут образовываться судебные палаты по рассмотрению отдельных категорий административных дел.

Высший административный суд Украины имел следующую структуру: руководство суда, первая–пятая судебные палаты, аппарат суда, Пленум, Совет судей административных судов. При данном суде создаётся Научно-консультативный совет для проработки вопросов, связанных с разъяснением законодательства [2, с. 22].

6 июля 2005 г. принят Кодекс административного судопроизводства Украины, чем был завершён процесс формирования системы административных судов.

7 июля 2010 г. Верховная Рада Украины утвердила предложенный Рабочей группой под руководством министра юстиции О. В. Лавриновича новый Закон Украины «О судеустройстве и статусе судей». Данный закон внес много важных изменений в судебную систему страны. Система административных судов осталась неизменной.

Административная юстиция в Украине требует своего усовершенствования. Окружные и апелляционные административные суды не в состоянии оперативно разрешать все административные дела. Предлагалось создать административные палаты при местных общих судах и включить в их состав не менее трех судей. Руководителем административной палаты должен быть председатель, который избирается из состава судей этой же палаты. Окружные суды следует наделить правом суда апелляционной инстанции. Апелля-

ционные административные суды должны быть ликвидированы. Высший административный суд должен стать судом кассационной инстанции. Данные реформы системы административных судов решат проблемы в системе административного судопроизводства: доступ граждан к административному судопроизводству, оперативное рассмотрение административных дел, уменьшение судебных издержек. Не потребуются дополнительных помещений и можно средства выделенные для этих целей направить на благоустройство залов судебных заседаний [4, с. 101].

В судебной системе Украины 30 сентября 2016 г. стартовала перестройка, предусмотренная новой редакцией закона "О судостроительстве и статусе судей". По теории она должна привести к качественным изменениям, например, переформатирование двухуровневого пересмотра судебных решений в одноуровневый Верховный Суд (сейчас Высший Суд – первый уровень, а Верховный Суд – второй).

До 30 сентября весь порядок прохождения судебных решений состоял из четырех ступеней: местные (окружные) суды, за ними шли апелляционные суды, потом высшие специализированные суды, а затем Верховный Суд.

После 30 сентября 2016 г. физические и юридические лица Украины начали судиться по-новому. Сначала, как и прежде, идут местные (окружные) суды, за ними следуют апелляционные, а затем сразу Верховный Суд. Вместо Высшего хозяйственного суда, Высшего административного суда и Высшего специализированного суда все будет рассматривать Верховный Суд в одной из четырех палат: гражданской, уголовной, административной или хозяйственной.

На практике стороны смогут обращаться с кассационными жалобами, которые теперь уполномочен рассматривать Верховный суд и в случае несогласия с решением соответствующей палаты будут обращаться за пересмотром в Большую палату Верховного Суда Украины.

Непонятно, что будет с делами, которые на текущий момент находятся на рассмотрении в ликвидируемых судах. По логике, они должны быть переданы в соответствующие палаты Верховного Суда, однако, процедуру и сроки передачи неясно закрепили в соответствующих законах.

Одна из новелл видоизмененной судебной системы Украины это новые Высший антикоррупционный суд и Высший суд по вопросам интеллектуальной собственности. Их в Украине никогда не было. Эти специализированные ветви будут работать также в двухуровневом режиме. Создание Высшего суда по вопросам интеллектуальной собственности позволит судам этой юрисдикции заниматься делами одной направленности. Проблема с защитой авторского права давно назрела в Украине.

Высший антикоррупционный суд, который завершит формирование антикоррупционной вертикали, будет рассматривать исключительно дела, относящихся к сфере деятельности Национального Антикоррупционного Бюро. Этот суд будет создан на принципиально новых основах, будет работать автономно от всей судебной ветви. Однако до сих пор не внесены на рассмотрение парламенту законы об этих судах.

Административная юстиция в зарубежных странах представлена по-разному: специализированными административными судами, трибуналами, квазисудебными органами, административными комиссиями и т.д.

Согласно Кодекса административного судопроизводства Украины (ст. 3) административное судопроизводство – это деятельность административных судов относительно рассмотрения и решения административных дел

в порядке, установленном этим кодексом. Наряду с понятием «административное судопроизводство» Кодекс административного судопроизводства Украины использует понятие «административный процесс», понимая под таковым правоотношения, которые складываются при осуществлении административного судопроизводства.

Это не правильно, потому что административный процесс включает в себя в первую очередь деятельность органов государственной (исполнительной) власти по применению правовых норм.

Новая суть административного права состоит в том, что административное право регламентирует отношения не только в сфере исполнительной власти и публичного управления, но и в сферах судебной и законодательной власти. Этот научный вывод, который отметил Ю. Н. Старилов, обозначает место административного производства в системе административного права как подвида административного процесса.

Институт административной юстиции на сегодня в Украине остается составной частью административно-юрисдикционной деятельности [5, с. 5].

В. Б. Аверьянов отмечает, что «выделение процессуальной части административного права принципиально нельзя рассматривать по аналогии с отраслями гражданского и уголовного права. Если в гражданском и уголовном праве их «процессуальная часть» регулированием деликтных отношений и ограничивается, то в административном праве регулирование таких отношений составляет далеко не преобладающую долю сферы действия процессуальных норм».

Если сравнивать понятия «процесс» и «процедура» следует отметить, что понятию «процесс» присущи следующие черты: динамика изменений состояний, структурированность, наличие конечной цели. Для процедуры присущи далеко не все свойства из числа образующих содержание понятия «процесс». В процедуре отсутствует главный признак процесса – удлиненность во времени. Если процесс – это прежде всего динамика, выраженная в последовательных переходах от одного состояния к другому, то процедура – это не что иное, как дискретность такового. Процедура – это стадия процесса.

Наличие системы административно-процедурных норм в законодательстве Украины не дает возможности для полноценного «очищения» административного процесса от исполнительно-распорядительных и управленческих составляющих.

Административное судопроизводство должно занять свое важное место среди процессуальных отраслей права Украины. Неконкретная определенность места административного судопроизводства в системе права только усугубляет проблемы развития этого вида правосудия в Украине.

Среди ученых в области административного права предлагается рассматривать понятие «административное судопроизводство» в следующих значениях: как отрасль юридической науки, как отрасль права и как отдельная отрасль правосудия.

Общие принципы административного судопроизводства отражены в Конституции Украины, а отраслевые – в Кодексе административного судопроизводства Украины (ст. 8–14).

Задачами административного судопроизводства, в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Украины являются защита прав, свобод и интересов физических лиц, отстаивание прав и интересов юридических лиц от нарушений со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц. Задачи администра-

тивного судопроизводства нужно рассматривать в контексте защиты прав, интересов и свобод граждан в публично-правовых отношениях от нарушений со стороны именно публичной администрации.

Юрисдикция административных судов распространяется на правоотношения, возникающие в связи с осуществлением субъектом властных полномочий властных управленческих функций. Юрисдикция административных судов распространяется на публично-правовые споры, а конкретно на споры физических и юридических лиц с субъектом властных полномочий относительно обжалования его решений, действий и бездействий; споры по поводу принятия граждан на публичную службу, ее прохождения, освобождение от публичной службы; споры между субъектами властных полномочий по поводу реализации их компетенции в сфере управления; споры, возникающие по поводу заключения, исполнения, прекращения административных договоров [6, с. 152].

Совет Европы рассматривает развитие системы административной юстиции как одну из важных задач Украины в решении вопросов ее интеграции в европейское судебное пространство. Отдельным пунктом указанных мероприятий должно быть признание обязательности применения административными судами Украины решений Европейского Суда по правам человека. Использование Украиной положительного европейского опыта в области административной юстиции сыграет важную роль в развитии механизма решения государственно-правовых споров, возникающие в сфере управления. Необходимо преодолеть предвзятое отношение, существующее в Украине, к административному судопроизводству и созданным административным судам, потому что это является результатом недостаточного количества теоретических и прикладных разработок по обоснованию доктрины административной юстиции. Использование судебных учреждений как инструмента политического влияния на систему государственной власти нарушает правила правового государства. Следует преодолеть существующее «отчуждение» между гражданами и административными судами, повысить доверие граждан. Все это возможно лишь при условии усиления государством гарантий основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения реализации принципа верховенства закона, преодоления высокого уровня коррупции, создания системы гарантий для отправления правосудия.

Украинский опыт функционирования административных судов будет полезен для государств, возникших на пространстве СССР, которые также стоят на пути реформирования административного процесса.

Библиографический список

1. Административно-процессуальное право Украины: учебник/ ред. С. В. Кивалов. Одесса, 2007. 156 с.
2. Бевзенко В. М. Административные суды Украины. Киев, 2006. 119 с.
3. Кузьменко О. В. Административная юстиция в Украине. Киев, 2008. 334 с.
4. Стефанюк В. С. Судебный административный процесс. Харьков, 2004. 222 с.
5. Стариков Ю. Н. Административное право на уровень правового государства. Саратов, 2009. 10 с.
6. Селиванов А. О. Административный процесс в Украине: реальность и перспективы развития правовых доктрин. Киев, 2006. 167 с.

ББК 67.0

П. А. Козлов

КОМПОНЕНТЫ ИГРЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЧАСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Игра является одной формой взаимодействия субъектов. Игра имеет определенные элементы. Правоотношение также является формой взаимодействия субъектов, которое также имеет свои элементы. Правоотношение можно соотнести с игрой. Игра является системой, изменение отдельных элементов системы Игры и системы правоотношения приводит к изменению всей системы Игры / правоотношения.

Ключевые слова: Игра, система, правоотношение, элементы, свойства.

The game is one form of interaction between actors. The game has certain elements. The relationship is also a form of interaction between agents, which also has its elements. The relationship can be correlated with the Game. The game is a system, changing individual elements of the system Game and system relationship leads to a change in the system of the Game / relationship.

Key words: Game, system, relationship, elements, properties

«Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актёры...»¹

«Игра» представляется нам как одна из первичных систем взаимодействия людей между собой, с природой, всем окружающим пространством. Человек в процессе своего развития, роста и взросления познает окружающий мир и учится взаимодействовать с окружающими путем игровой деятельности, играя.

В. В. Демчог, кандидат психологических наук, российский актёр театра и кино, педагог, создатель концепции «Самоосвобождающейся игры», в своей книге «Самоосвобождающаяся игра» определяет, что Игра состоит из 4 составляющих, элементов:

1. место, где происходит Игра;
2. участники Игры (тех, кто играет);
3. правила самой Игры;
4. сама Игра (включает в себя как наименование, обозначение Игры так и определение возможных результатов, выигрыша).

Мы считаем данное определение и характеристику, данную В. В. Демчогом, в достаточной мере отражающими суть и концепцию Игры в том формате, который мы используем в рамках нашего исследования.

«Игра», в используемом нами значении, выступает как определенная система. Так, системой может являться любой объект живой и неживой природы, общества, процесс или совокупность процессов, научная теория и т. д., если в них определены элементы, образующие единство (целостность) со своими связями и взаимосвязями между ними, что создает в итоге совокупность свойств, присущих только данной системе и отличающих ее от других систем. «Игра», состоящая из вышеуказанных элементов, полностью подходит под определение «системы».

Основными свойствами системы Игры, как любой системы, являются:

© Козлов П. А., 2017

¹ Слова, вложенные Шекспиром в уста философа и бездельника Жака из пьесы «Как вам это понравится». Перевод Т. Щепкиной-Куперник. (Соб. соч. Москва. «Интербук». 1997).

1. Система есть совокупность элементов. При определенных условиях сами элементы могут рассматриваться как системы.

2. Наличие существенных связей между элементами. Под существенными связями понимаются такие, которые закономерно, с необходимостью определяют интегративные свойства системы.

3. Наличие интегративных свойств, т.е. присущих системе в целом, но не свойственных ни одному из ее элементов в отдельности. Их наличие показывает, что свойства системы, хотя и зависят от свойств элементов, но не определяются ими полностью. Система не сводится к простой совокупности элементов; декомпозируя систему на отдельные части, нельзя познать все свойства системы в целом.

4. Эмерджентность – несводимость свойств отдельных элементов и свойств системы в целом.

5. Целостность – это общесистемное свойство, заключающееся в том, что изменение любого компонента системы оказывает воздействие на все другие ее компоненты и приводит к изменению системы в целом; и наоборот, любое изменение системы отзывается на всех компонентах системы.

6. Делимость – возможна декомпозиция системы на подсистемы с целью упрощения анализа системы.

7. Коммуникативность. Любая система функционирует в окружении среды, она испытывает на себе воздействия среды и, в свою очередь, оказывает влияние на среду. Взаимосвязь среды и системы можно считать одной из основных особенностей функционирования системы, внешней характеристикой системы, в значительной степени определяющей ее свойства.

8. Системе присуще свойство развиваться, адаптироваться к новым условиям путем создания новых связей, элементов со своими локальными целями и средствами их достижения. Развитие – объясняет сложные термодинамические и информационные процессы в природе и обществе.

9. Гибкость – это свойство системы изменять цель функционирования в зависимости от условий функционирования или состояния подсистем.

10. Структурированность – поведение системы обусловлено поведением ее элементов и свойствами ее структуры.

11. Динамичность – это способность функционировать во времени.

Представляется возможным перейти к анализу юридического правоотношения.

Правоотношение – это возникающая на основе норм права правовая связь, участники которой наделены субъективными взаимными юридическими правами и обязанностями.

Правоотношение имеет определенную структуру, т.е. внутреннее строение. Оно состоит из четырех элементов: субъекты правоотношения, субъективное право, субъективная юридическая обязанность и объект правоотношения. Однако представляется возможным включить в описание, характеристику любого правоотношения еще и то место, ту обстановку, где происходит правоотношение.

Если мы рассмотрим правоотношение и его структуру через вышеописанную систему Игры, игровых взаимодействий, то придем к следующим выводам:

1. Субъекты правоотношений являются «участниками Игры», «игроками» (которые «играют разные роли»);

2. Субъективное право и субъективная юридическая обязанность прямо коррелируют с «Правилами игры»;

3. Объект правоотношения взаимообусловлен с наименованием, обозначением, целью Игры.

4. Место, обстановка, где происходит правоотношение коррелирует с местом где происходит Игра.

То есть, правоотношение можно признать одним из проявлений Игры как системы взаимодействий.

Учитывая, что Игра является системой, она обладает вышеперечисленными свойствами системы. Для нас представляется интересным рассмотреть такое свойство системы как свойство целостности – заключающееся в том, что изменение любого компонента системы оказывает воздействие на все другие ее компоненты и приводит к изменению системы в целом.

Таким образом, учитывая, что правоотношение возможно рассмотреть с точки зрения Игры, выделить и соотнести между собой отдельные элементы, с необходимостью приходим к выводу, что изменение таких элементов Игры/правоотношения как: Игроки (их роли) – участники правоотношения; место Игры – условия правоотношения; правила Игры – взаимные права и обязанности субъектов правоотношения; наименование, суть Игры – возможные результаты правоотношения; может привести к изменению результата правоотношения (его эффективности).

Библиографический список

1. Основы государства и права : учеб. пособие для поступающих в юридические вузы / под ред. академика О. Е. Кутафина. М. : Юристъ, 2000. 416 с.
2. Пьеса «Как вам это понравится». Перевод Т. Щепкиной-Куперник. (Соб. соч. Москва. «Интербук». 1997).
3. Демчог В. Самоосвобождающаяся игра. М. : АСТ, 2004. 403 с.
4. Лаврушина Е. Г., Слугина Н. Л. Теория систем и системный анализ. Учебный комплекс. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2007. 168 с.

ББК 67.405.2

В. Г. Ойкин

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются предпосылки для систематизации законодательства в сфере социального обеспечения. Предлагается основание для структуры социально-обеспечительного кодекса – система социально-обеспечительных рисков, закрепленных в законодательстве.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социально-обеспечительный риск, кодификация.

The article is devoted to the prerequisites for systematization of legislation in the sphere of social security. Proposed foundation for the structure of social security code – the system of social security risks is enshrined in legislation.

Key words: social security, social security risk, codification.

© Ойкин В. Г., 2017

Вопрос источников права в формально-юридическом смысле является одним из принципиальных при отнесении определенной совокупности нормативных правовых актов к той или иной отрасли права. Это важный системообразующий признак отрасли.

Источниками права социального обеспечения являются различные нормативные правовые акты, которые регулируют общественные отношения, составляющие предмет данной отрасли права, а именно сферу социального обеспечения. Поскольку в настоящее время все еще сохраняется некоторая неопределенность в части круга этих общественных отношений, до известной степени нет единодушия и в отношении перечня источников права социального обеспечения.

Значительный массив правовых норм права социального обеспечения, закрепленный в нормативных актах различного уровня, в настоящее время образует довольно аморфное явление, обладающее известным своеобразием. Так, среди источников в праве социального обеспечения выделяются как акты федерального, так и регионального, а также муниципального уровней. Это вполне логично, поскольку согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации социальная защита, включая социальное обеспечение, входят в сферу совместного ведения центра и субъектов федерации.

Особенностью нормативных актов, содержащих нормы права социального обеспечения, является зачастую их комплексный характер, так как они содержат нормы различных отраслей права, связанных с сущностью регулируемых социально-обеспечительных отношений. Например, Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 № 255-ФЗ не только закрепляет право на ряд страховых пособий и порядок реализации субъективных социально-обеспечительных прав на них (что, собственно, относится к предмету права социального обеспечения), но и регламентирует порядок функционирования данной социально-страховой системы в целом, содержит нормы административного и финансового права.

Система законодательных актов социального обеспечения представлена группой законов и федеральных законов Российской Федерации, регулирующих по отдельности или в комплексе с другими актами общественные отношения, которые, как правило, относятся к одному институту отрасли права. Так, институту пенсий соответствует группа законодательных актов, посвященных различным видам пенсий [1]. А нормы таких институтов, как государственная социальная помощь, социальное обслуживание содержатся в отдельных законах [2].

Нередко в источниках одного института права социального обеспечения мы встречаем отсылки к актам, содержащим нормы другого института. Например, право на такой вид социальной помощи как социальная доплата к пенсии, предусмотренный в соответствующем законодательном акте, прямо связан с размером получаемой пенсии, назначенной по правилам того или иного «пенсионного» закона. Полный комплекс отношений, связанный с пособием по временной нетрудоспособности, помимо основного для данного института уже упоминавшегося Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ регулируется нормами, закрепленными в других законодательных актах [3]. Право на пособие по безработице, стипендию в период прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования по направлению органов службы занятости, закрепленное в

ст. 28 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» [4], гарантируется и в период временной нетрудоспособности, при этом право на пособие по временной нетрудоспособности не возникает. В соответствии с тем же законом (ч. 3 ст. 3) граждане, которым в соответствии с законодательством назначены страховая пенсия по старости (в том числе досрочно), накопительная пенсия, либо пенсия по старости или за выслугу лет по государственному пенсионному обеспечению не могут быть признаны безработными. Подобных примеров можно привести еще много. Взаимные отсылки одних актов социального обеспечения к другим, дополнение комплексной нормы, закрепленной в одном акте, положениями других актов – явление достаточно распространенное в праве социального обеспечения.

Все это подчеркивает внутреннюю (отраслевую) взаимосвязь правового регулирования отношений по социальному обеспечению, которые (несмотря на распределенность закрепивших их норм по разным нормативно-правовым актам) образуют сущностное единство. В свою очередь, данный вывод позволяет сделать предположение о необходимости и возможности систематизации социально-обеспечительного законодательства, в том числе в рамках единого нормативно-правового акта.

Вопросы систематизации социального законодательства поднимаются уже достаточно давно. Как отмечал один из авторов более десяти лет назад, «можно констатировать, что в вопросе о социальном праве на первое место фактически выходит проблема систематизации и кодификации законодательства» [5].

Вероятно, принятие единого кодификационного акта в сфере социального обеспечения явилось бы важным этапом развития отрасли права социального обеспечения при условии глубокого анализа всех существующих правовых норм, выделения семантически связывающих их признаков, формулировке единых социально-обеспечительных оснований для возникновения субъективных прав в этой области.

Следует согласиться с позицией, согласно которой единый акт в области социального обеспечения «должен быть документом непосредственного действия, иначе его принятие не будет оправданно, он не выполнит своего назначения» [6]. Таким документом должен стать кодифицированный акт.

Общие положения (общая часть) единого законодательного акта (условно назовем его «Социально-обеспечительный кодекс Российской Федерации») должны содержать универсальные положения о сущности социального обеспечения, принципах его организации, правоотношений в этой области, категории обеспечиваемых лиц и т.п. Многие действующие законодательные акты социального обеспечения в настоящее время решают подобные вопросы в общих положениях, которые (как уже отмечалось) содержат близкие по содержанию принципы и подходы. Систематизация и унификация этого правового массива могла бы стать основой для формирования общей части «Социально-обеспечительного кодекса Российской Федерации».

Полагаем, что, например, нормы о прожиточном минимуме, как одном из важнейших социально-обеспечительных стандартов также могли бы войти в общую часть кодекса [7].

В рассматриваемом контексте сущностные характеристики социально-обеспечительного риска, являющегося основанием для возникновения социально-обеспечительных отношений, будут являться, на наш взгляд, основой положений общей части кодекса.

Логично предположить, что структура такого единого акта (кроме вопросов общей части) должна соответствовать сложившейся системе социально-обеспечительных отношений. Вопрос состоит в том, что выбрать в качестве критерия систематизации правового материала.

В качестве структуры изложения норм права социального обеспечения можно предложить такие основания, как сфера социальной защиты индивида (жизнеобеспечение, семья, трудовая сфера, здоровье и т.д.), категории требующих социального обеспечения лиц (дети, старики, инвалиды, лица, пострадавшие в техногенных катастрофах, пациенты и т.д.), виды социального обеспечения (пенсии, пособия, компенсации, льготы, социальное обслуживание и т.д.).

В различных законодательных актах также проводится различие между страховыми и нестраховыми социально-обеспечительными правоотношениями, а также правоотношениями по дополнительному (необязательному) социальному обеспечению.

Не добавляет ясности в вопросе и классификация законодательства, одобренная Указом Президента РФ от 15.03.2000 № 511 [8]. В предложенном для целей унификации банков данных правовой информации, а также обеспечения автоматизированного обмена правовой информацией классификаторе выделен подраздел 070.000.000 «Социальное страхование и социальное обеспечение». Он состоит помимо актов, регулирующих правоотношения по поводу таких институтов как пенсии (различных видов), пособия и компенсационные выплаты, трудовой стаж, установление инвалидности, социальное обслуживание, льготы, ритуальное обслуживание, также из актов по вопросам управления социальным обеспечением и его финансирования. В данной систематизации прослеживается идея удобного расположения нормативных актов для целей управления отраслью деятельности – социальным обеспечением и социальным страхованием. Представляется, что использовать данную классификацию при конструировании кодифицированного акта в области социального обеспечения можно с учетом соответствующих корректив.

В определенном смысле универсальным, на наш взгляд, мог бы стать такой критерий классификации материальных правоотношений в рассматриваемой области как социально-обеспечительный риск, являющийся основанием для специфического (соответствующего характеру каждого конкретного вида риска) социально-обеспечительного правоотношения (с особым набором субъектов, содержанием, видом конкретного социального обеспечения и т.д.). Таким образом, система социально-обеспечительных рисков, обладающих сущностным единством, также может служить основой для структуры особенной части социально-обеспечительного кодекса.

Интересным в этой связи представляется опыт советского периода социального страхования. Так, обращает на себя внимание структура «Положения о пенсиях и пособиях по социальному страхованию» 1930 года, утвержденного Постановлением ЦИК и СНК СССР [9]. В нем выделены в качестве самостоятельных разделов «Пенсии» (по инвалидности, по случаю потери кормильца, по старости), «Пособия» (по временной нетрудоспособности, по случаю рождения ребенка, на погребение, по безработице), «Порядок назначения и выдачи пенсий и пособий», «Лишение пенсий и пособий», а также «Заключительные положения». Достаточно стройная логика нормативного акта, объединившего как пенсии, так и пособия по конкретным страховым случаям, а также нормы процедурных отношений и юридической ответствен-

ности являются образцом кодификации в области социального страхования того периода (при всей идеологической и классовой тенденциозности).

Примерами современных попыток кодификации норм социального обеспечения служат немногочисленные социальные кодексы отдельных субъектов Российской Федерации, таких, например, как Астраханская область, Белгородская область, Ярославская область, Санкт-Петербург.

Систематизация норм, включенных в такие кодексы, имеет определенное своеобразие. Так, Социальный кодекс Санкт-Петербурга [10] исходит из широкого понимания сферы своего действия, оперируя таким объединяющим понятием как социальная поддержка. При этом специально оговаривается, что вопросы пенсий не входят в предмет регулирования кодекса. За основу систематизации нормативного материала авторы рассматриваемого закона приняли особенности социальных групп из числа петербуржцев, которым оказывается социальная поддержка.

В число граждан, которым оказываются меры социальной поддержки, попали некоторые категории, которые никак нельзя, по нашему мнению, отнести к лицам, находящимся в ситуации реализованного социально-обеспечительного риска (при том, что оказание им материальной помощи по другим основаниям может быть вполне обоснованно). Например, речь идет о таких категориях как медицинские и фармацевтические работники государственных учреждений здравоохранения; социальные и медицинские работники государственных учреждений социального обслуживания населения; педагогические работники государственных образовательных учреждений; работники государственных учреждений, расположенных в сельской местности. Или о такой специфической группе получателей социальной поддержки в виде единовременной выплаты (видимо, отражающая специфику традиций Санкт-Петербурга) как семейные пары, в которых оба супруга являются гражданами, имеющими место жительства в Санкт-Петербурге, отметившие 50-летний, 60-летний или 70-летний юбилей супружеской жизни после 1 января 2012 года.

Региональный законодатель объединил в единый акт многочисленные нормы, ранее установленные отдельными законами (при принятии Социального кодекса Санкт-Петербурга было отменено 97 региональных законов), чем, возможно, и объясняется некоторая «пестрота» выделенных в нем лиц и видов социальной поддержки. В связи с этим нечетко выделены существенные критерии, положенные в основу кодификации, которая была выполнена, по нашему мнению, прежде всего, в целях повышения эффективности управления социальной сферой. Хотя сам по себе факт объединения норм социальной направленности в один акт следует признать положительным опытом.

Наконец, следует обратить внимание на международный опыт в этой области. Европейский кодекс социального обеспечения, принятый по инициативе Парламентской Ассамблеи Совета Европы в г. Страсбурге 16.04.1964 [11], закрепляет в качестве социальных рисков семь состояний: необходимость лечения, временная неспособность к получению дохода, содержание семьи (детей), рождение ребенка, производственная травма или профзаболевание, старость, потеря кормильца и инвалидность. Каждому виду социального риска соответствует особый набор составляющих его ситуаций, цель и вид социального обеспечения, характеристика обеспечиваемых лиц и рамочные требования к системе социального обеспечения в связи с конкретным социальным риском государств – членов Совета Европы, подписавших

данный кодекс. В качестве социально-обеспечительных стандартов минимального уровня Европейский кодекс социального обеспечения указывает на нормы, закрепленные в Конвенции № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения» от 28.06.1952.

Представленные доводы позволяют сформулировать признаваемый многими авторами достаточно бесспорный вывод о необходимости предпринять попытку кодифицировать нормы права социального обеспечения, а также признать основным, по мнению автора, критерием систематизации указанных правовых норм социально-обеспечительные риски, являющиеся основанием для возникновения социально-обеспечительных отношений.

Библиографический список

1. О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ с изм. и доп. от 29.06.2015 № 173-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 30.12.2013; 30.06.2015; Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ с изм. и доп. от 13.07.2015 № 213-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4832; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 13.07.2015; О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ с изм. и доп. от 28.11.2015 № 358-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4831; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 28.11.2015; О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей: Закон РФ от 12.02.1993 № 4468-1 с изм. от 19.12.2016 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 9. Ст. 328; СЗ РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7479; О накопительной пенсии: Федеральный закон от 28.12.2013 № 424-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2013; Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 111-ФЗ с изм. и доп. от 29.06.2015 № 210-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3028; СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 4001; О гарантировании прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации при формировании и инвестировании средств пенсионных накоплений, установлении и осуществлении выплат за счет средств пенсионных накоплений: Федеральный закон от 28.12.2013 № 422-ФЗ с изм. и доп. от 29.06.2015 № 210-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6987; СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 4001; О дополнительных страховых взносах на накопительную пенсию и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений: Федеральный закон от 30.04.2008 № 56-ФЗ с изм. и доп. от 04.11.2014 № 216-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1943; СЗ РФ. 2014. № 45. Ст. 6155; О негосударственных пенсионных фондах: Федеральный закон от 07.05.1998 № 75-ФЗ с изм. и доп. от 29.06.2015 № 210-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 19. Ст. 2071; СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 4001; О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений: Федеральный закон от 30.11.2011 № 360-ФЗ с изм. и доп. от 29.06.2015 № 210-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7038; СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 4001.

2. О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ с изм. и доп. от 19.12.2016 № 454-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699; СЗ РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7503; Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ с изм. и доп. от 21.07.2014 № 256-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 7007.; СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4257.

3. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ с изм. от 28.12.2016 № 493-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803; СЗ РФ. 2017. № 1 (Часть I). Ст. 34; О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 с изм. и доп. от 28.12.2016 № 509-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699; СЗ РФ. 2017. № 1 (Часть I). Ст. 50 и др.

4. О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 с изм. и доп. от 29.12.2015 № 388-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1915; СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 8.

5. Жильская Л. В. Социальное государство с точки зрения права // История государства и права. 2006. № 1. С. 5.

6. Васильева Ю. В. Кодификация законодательства о социальном обеспечении: Основы законодательства или Кодекс? (Известия вузов. Правоведение. 2009. № 4. С. 171–176 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. <http://cyberleninka.ru/article/n/sistema-prava-i-sistema-zakonodatelstva-o-sotsialnom-obespechenii-k-voprosu-o-kodifikatsii-otraslevogo-zakonodatelstva>

7. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ с изм. от 03.12.2012 № 233-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904; СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 5). Ст. 6956.

8. О классификаторе правовых актов: Указ Президента РФ от 15.03.2000 № 511 с изм. и доп. от 28.06.2005 № 736 // СЗ РФ. 2000. № 12. Ст. 1260; СЗ РФ. 2005. № 28. Ст. 2865.

9. Об утверждении Положения о пенсиях и пособиях по социальному страхованию: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 13.02.1930 // СЗ СССР. 1930. № 11. Ст. 131

10. Социальный кодекс Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 22.11.2011 № 728–132 с изм. и доп. от 10.02.2017 № 30–5 // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга. 2011. № 46; Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга <http://www.gov.spb.ru>. 13.02.2017.

11. Европейский кодекс социального обеспечения (ETS № 48) [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901801282>. (дата обращения: 26.03.2017).

ББК 67.021

Е. Л. Поцелуев

АМНИСТИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В МАРТЕ 1917 г.

Проанализирована сущность такого феномена как амнистия, раскрыты причины, которые побудили Временное правительство провести в марте 1917 г. политическую, религиозную и общеуголовную амнистию. Указаны юридические документы на основании которых освобождались заключенные и облегчалась участь другим осужденным, названы и кратко охарактеризованы различные категории амнистированных. Приведены различные статические данные, показывающие масштабы амнистий в рассматриваемый период. Статья содержит оценки отдельных отечественных ученых уголовно-правовой политики Временного правительства в этой сфере и авторскую позицию по данному вопросу.

© Поцелуев Е. Л., 2017

Ключевые слова: амнистия, преступность, Временное правительство, март 1917, Россия.

The essence of such phenomenon as amnesty is analyzed. The reasons that made the [Russian] Provisional Government to grant amnesties to a number of political, religious and criminal offenders are disclosed. Legal documents providing for release of some inmates and for improvement of the others' condition are listed. Various groups of convicts affected by amnesties are briefly characterized. Statistical data concerning the scale of the 1917 amnesties is given. The paper presents the views on the criminal policy of the Provisional Government of some Russian scholars and the author's own judgement on the issue.

Key words: amnesty, crime, Provisional Government, March 1917, Russia.

Сущность и причины амнистий Временного правительства. «АМНИСТИЯ (гр. *amnestia* – забвение, прощение) – полное или частичное освобождение от наказания лиц, совершивших преступления, либо замена этим лицам назначенного судом наказания на более мягкое. А. также может предусматривать снятие судимости с лиц, ранее отбывших наказание. А. может быть общей (распространяется на всех лиц, совершивших преступления, предусмотренные определенными ст. Уголовного кодекса при соблюдении др. условий акта об А.) или частичной, т.е. относящейся к отдельным лицам (осуществляется в форме помилования), – такая характеристик этого феномена дана в «Юридическом энциклопедическом словаре» [11, с. 21]. В другом словаре дается, наш взгляд, более корректное и полное определение амнистии: «полное или частичное освобождение от *уголовной ответственности* или от наказания индивидуально неопределенного круга лиц, совершивших преступления, либо замена этим лицам назначенного судом наказания более мягким, *либо сокращение срока наказания* (курсив наш. – Е. П.)» [1, с. 21]. Сущность этого феномена – аннулирование юридических последствий совершения преступления, осуществленного во внесудебном порядке [6, с. 505]. По мнению А. И. Рагога, «акты об амнистии имеют нормативный характер, они могут распространяться на определенные категории лиц (...) или на лиц, совершивших преступления определенных видов...» [6, с. 506].

Амнистии в нашей стране широко распространяются начиная с Февральской революции. В XIX в. в развитых государствах Европы шел поиск политики лавирования между либерализмом и диктатурой правящих классов. В эту политику амнистии вписывались как нельзя лучше [8, с. 8].

П. И. Люблинский отмечал, что амнистия – акт спасения государства от захлестнувшей его репрессии, когда репрессия начинает переходить все мыслимые пределы и ее дальнейшее применение угрожает уже самим основам государственности [5, с. 118–122]. «Ситуация такого рода сложилась накануне Февральской революции. «Претерпевших» от гонений царизма было слишком много, чтобы буржуазная власть могла игнорировать общие требования политических амнистий в условиях перехода к республиканскому строю» [8, с. 8].

«В январе – феврале 1917 г. наблюдается тенденция роста числа заключенных в царской России». На 1 января 1917 г. в пяти тюрьмах Московской губернии было 5585 заключенных. За последующие 1,5 месяца их число возросло на 155 человек. Такое положение было характерно для всего государства. Часть «общуголовных» заключенных искренне считала себя жертвами старого режима, а многие из них, по мнению В.А. Рогова, действительно являлись, таковыми, поэтому они ожидали распространения на них льгот, полученных после революции «политзаключенными». В еще большей степе-

ни жаждали освобождения любым способом рецидивисты и лица совершившие тяжкие преступления. «Среди первых уголовно-правовых мероприятий Временного правительства наибольший интерес, – справедливо считает профессор В. А. Рогов, – вызывают, пожалуй, мартовские амнистии». Правительство видело в амнистиях «средство для спасения власти, ее стабилизации в условиях борьбы политических сил. Суть такой политики прекрасно подтверждал юридический афоризм: «Нередко случается, что государство получает от амнистии больше выгоды, нежели лица, подлежащие ей» [8, с. 8].

«В ходе восстания 27 февраля петроградские тюрьмы стали одним из первых объектов нападения революционных рабочих и солдат и в этот день почти все тюрьмы были пусты, а многие члены тюремной охраны арестованы или скрылись. В Москве 1 марта 1917 г. из Бутырской тюрьмы были выпущены почти все политические заключенные. Овладение тюрьмами приобрело острый характер в прифронтовой полосе, где основной костяк заключенных составляли военнослужащие, обвиняемые в политических и военных преступлениях, за которые им грозил расстрел (военно-полевым судом) [8, с. 9].

Юридические основания амнистий Временного правительства. 2 марта 1917 г. Временное правительство опубликовало декларацию, где провозглашались «полная и немедленная амнистия ко всем политическим и религиозным делам, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным беспорядкам» [2, с. 1]. Власть стремилась успеть за событиями. 2 марта 1917 г. министр юстиции в 1-м составе Временного правительства А. Ф. Керенский подтвердил действия товарища (заместителя) министра Н. Н. Чебышева о немедленном освобождении из ссылки большевиков-членов IV Государственной думы: Г. И. Петровского, М. К. Муранова, А. Е. Бадаева, Ф. Н. Самойлова, Н. Р. Шагова и требовал обеспечить им «почетное возвращение в Петроград». 3 марта 1917 г. А. Ф. Керенский опубликовал телеграмму об освобождении заключенных по политическим и религиозным делам [3, с. 1]. Его телеграммы были разосланы всем окружным прокурорам, осуществляющим на местах функции надзора. Министр юстиции каждому освобожденному передавал привет от своего имени. На основании телеграммы прокурорские органы (на 31 декабря 1913 г. в стране было 1170 прокуроров [4, с. 155]) освобождали заключенных в губернских центрах и отдавали распоряжения в уезды [8, с. 11]. По мнению отдельных ученых, «к моменту издания общего постановления о политической (и религиозной) амнистии Временное правительство стояло перед свершившимся фактом, и его заслуг в проведении амнистии нет. Правительство лишь спасало буржуазную власть...» [8, с. 11]. Наша позиция несколько иная: амнистия частично предотвращала, опережала явочную амнистию; амнистия легализовала начавшийся процесс освобождения политзаключенных.

Декларация Временного правительства от 26 апреля 1917 г. начиналась с упоминания обязательств, которые взял на себя этот орган государственной власти 3 марта, и с утверждения, что эти обязательства правительство выполняло: провозглашена амнистия и отменена смертная казнь [13, с. 220].

На основе указов об амнистии лицам, совершившим преступления делается в паспорте пометка «амнистирован». В июне 1917 г. прокурор Московской судебной палаты, ведущей инстанции для центральных и северных губерний, направил в тюремную инспекцию документ, в котором он протестовал против пометки в паспорте «амнистирован», т.к. они «не имеют за собою нормы закона...» [8, с. 15].

Основное направление политики правительства, в том числе и его законодательской деятельности, было определено декларацией от 3 марта, согласованной с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов [12, с. 209]. Среди обязательств, принятых правительством в этом документе, была полная и немедленная амнистия.

6 марта 1917 г. Временное правительство утвердило указ об амнистии. Им объявлялось общая политическая амнистия лицам, осужденным за политические преступления всех категорий: религиозные, за уголовные, совершенные по политическим мотивам. Восстанавливались в гражданских правах те, кто был лишен их ранее по суду за совершенные политические преступления. Все политические дела, находившиеся в производстве, прекращались. Амнистия не распространялась на преступления «изменнического свойства» и на религиозные преступления «изуверского» характера. «Закон об амнистии лишь оформил то, что уже было завоевано восставшим народом. ... в Петрограде и в целом ряде других городов рабочие и солдаты сами захватили тюрьмы и освободили политических заключенных. Другие были освобождены по телеграммам комиссаров Временного комитета Государственной думы в министерстве юстиции и нового министра Керенского. Тем не менее, некоторые губернаторы медлили с освобождением политических заключенных, пытались выпускать их выборочно и с разбором. Поэтому издание общего закона, закрепляющего это несомненное завоевание революционного народа, было необходимо» [12, с. 209].

12 марта было опубликовано правительственное постановление об отмене смертной казни. Она заменялась бессрочной каторгой [9, с. 506].

14 марта амнистия была распространена на лиц, осужденных по военному и военно-морскому уставам [8, с. 12]. Ее конечные цели были также политическими, так как лозунг «Война до победного конца» был не популярен в массах и исполнительная власть предпринимала действия, которые могли поднять его авторитет в армейской среде.

17 марта была обнародована общеуголовная амнистия. Как политическое явление она не выходила за рамки предыдущих. Правительство хотело «купить» авторитет любыми средствами. На наш взгляд, причины ее следующие: волнения среди уголовных заключенных, сопровождавшиеся погромами и кражами (Бутырская, Таганская тюрьмы 1 марта, в мае в тюрьме г. Смоленска); слухи, освобождение политических заключенных; «формально многие прикрывали попытки освобождения желанием помочь фронту». Постановление об «облегчении участи лиц, совершивших общеуголовные» преступления» было опубликовано 18 марта [3, с. 1]. Это был обширнейший документ, содержащий более 30 пунктов, с длинным перечнем категорий лиц, освобождавшихся от наказания. Помимо этого, наполовину сокращался срок для приговоренных к каторге. Смертная казнь заменялась 15 годами каторги [8, с. 13]. «В соответствии со ст. 10 постановления амнистированные лица, не свободные от службы в армии или выразившие готовность идти на фронт, передавались военным властям для прохождения службы [8, с. 14].

Циркуляр Временного правительства распространял действие амнистии от 17 марта на лиц женского пола, желавших служить в армии в качестве сестер милосердия. (Прокуроры с мест указывали в донесениях на необходимость элементарного обучения освобожденных женщин азам медицины... И лишь в сентябре последовало разъяснение министерства юстиции о том, что

женщины могут воспользоваться амнистией лишь в том случае, если они подготовлены к работе сестер милосердия [8, с. 16].

Дополняя закон об амнистии политическим заключенным, Временное правительство 17 марта приняло постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления». Осужденным на смертную казнь она заменялась каторгой на 15 лет. Сократило сроки отбывания наказаний для других категорий осужденных или полностью освобождало их. Амнистии подлежали как гражданские лица, так и военнослужащие. По ней было выпущено на свободу 15 тыс. человек [12, с. 213].

«При полной ликвидации полиции и расстройстве ... аппарата и широким пополнении уголовной расследовательской части городской милиции дилетантами традиционная амнистия уголовникам, и ранее сопровождавшая в России смену царствования, отразилась на быстром росте преступности в стране», – считает В. И. Старцев [12, с. 213].

Масштабы амнистии. По данным П. И. Люблинского, на 1 февраля 1917 г. в местах заключения находилось 155 тыс. человек (по переписи 28 января 1897 г. в Российской империи проживало 128,9 млн. человек) [10, с. 76]. В. И. Старцев пишет, что по амнистии было освобождено около 15 тыс. человек. [12, с. 213]. П. И. Люблинский полагает, что после проведения амнистии должно быть освобождено – 95 тыс., а с учетом самоосвобожденных – число заключенных должно было сократиться до 1/3 [8, с. 14]. Поэтому он называет мартовские амнистии «тюремным переворотом» [8, с. 14]. Причины расхождений в цифрах от 15 до 95 тыс. можно объяснить обстановкой анархии, охлократии в период двоевластия; многие документы в местах принудительного содержания были уничтожены.

Оценки амнистии. «Представляясь либеральным, правительство пошло на этот шаг, совершенно не заботясь о последствиях, тяжесть которых ложилась на плечи народа. Общеуголовная амнистия в том виде, в каком она была проведена, была видна лишь тем силам, которые были заинтересованы в инъекции обществу преступных элементов с целью развала порядка и установления на почве дестабилизации реакционной диктатуры», – утверждает В. А. Рогов [8, с. 13]. Доказательств, к сожалению, ученый не приводит.

Существует мнение... , что осенью 1917 г. «крах общеуголовной амнистии стал реальностью» [8, с. 17]. Для такого вывода нужны статистические данные, доказательства. Если будет доказано, что, например, больше половины амнистированных вновь совершили. Но такие цифры никто не приводит. «Бездумная амнистия способствовала созданию на местах ситуации, ведущей к росту преступности [8, с. 15]. «Летом 1917 г. участились случаи грабежей и погромов уголовного характера, нападения сопровождались насилием и убийствами [8, с. 16]. «Амнистии носили бездумный, декларативный характер, что привело к росту преступности и бандитских формирований. К осени 1917 г. начался обратный процесс: в тюрьмы водворяли амнистированных лиц, уклоняющихся от воинской службы. В местах лишения свободы прокатилась волна бунтов, администрация была запугана, тюремные служащие создали профсоюз, их отношения с правительственными инстанциями (тюремным ведомством. – Е. П.) обострились. В тюрьмах царил анархия: заключенные сами выбирали старост, практиковались отпуска заключенным, двери камер оставались открытыми...» [7, с. 247].

Амнистированных заключенных хотели направить в армию, а женщин в качестве сестер милосердия. Бунты, волнения в тюрьмах, кражи уголовных

дел, поджоги судов, разоружение тюремщиков, кризис пенитенциарной системы позволяют заключить, что общеуголовная амнистия, во многом, носила объективный характер.

Выводы: амнистирование политзаключенных было политически и юридически правильным шагом, ибо иначе их освободили бы силой (и освобождали), что дискредитировало бы авторитет власти, закона и правопорядка; оно диктовалось настроением и ожиданиями в обществе, революционной среде и отвечало идейным установкам министра юстиции А. Ф. Керенского и вписывались в политику Временное правительство весной 1917 г.; они носили реальный характер, но ими воспользовались и криминальные элемент со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 1997. VI, 790 с.
2. Вестник Временного правительства. 1917. № 1.
3. Вестник Временного правительства. 1917. № 2.
4. *Казанцев С. М.* История царской прокуратуры. Науч. изд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1993. 216 с.
5. *Люблинский П. И.* Право амнистии: Историко-догматическое и политическое исследование. СПб. : Сенат. тип., 1907. 369 с.
6. *Рарог А. И.* Освобождение от наказания // Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога. М. : Юрид. лит., 1994. С. 487–515.
7. *Рогов В. А.* История государства и права России IX – начала XX веков. М. : Зерцало; ТОО ТЕИС, 1995. 263 с.
8. *Рогов В. А.* Уголовное законодательство Временного правительства: учеб. пособие. М. : Всесоюз. юрид. заоч. ин-т, 1986. 35 с.
9. Право. 1917. № 9.
10. Россия: энциклопедический словарь. Л. : Лениздат, 1991. 922 с.
11. *Румянцев О. Г., Додонов В. Н.* Юридический энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 1996. 384 с.
12. *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава: монография. Л. : Наука, 1980. 256 с.
13. *Старцев В. И.* Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте–апреле 2017 г. . М. : Мысль, 1978. 277 с.

ББК 67.401

О. Ю. Таибова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируется действующее законодательство в части, касающейся административной ответственности несовершеннолетних. На основе проведенного исследования обосновывается необходимость внесения изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: несовершеннолетние, административная ответственность, административные правонарушения, административные наказания, меры воспитательного воздействия.

The author analyzes the current legislation in the part concerning the administrative liability of minors. On the basis of the study the necessity of amending the Russian Federation Code of administrative offences.

Key words: juvenile, administrative responsibility, administrative offense, administrative punishment, educational measures.

Административная ответственность, применяемая к несовершеннолетним нарушителям закона, представляет собой форму государственного реагирования на административные правонарушения, совершённые лицами, не достигшими совершеннолетия, выраженную в применении к ним конкретных административных наказаний, предусмотренных санкциями нарушенных норм, и одновременно их специфическую обязанность нести определённые законодательством неблагоприятные последствия, связанные с применением указанных правовых мер [5, с.48].

Совершаемые несовершеннолетними правонарушения обоснованно вызывают особую озабоченность общества, поскольку во многом определяют состояние правопорядка не только на текущий момент, но и в ближайшем будущем. Комплекс мер противодействия противоправному поведению несовершеннолетних очень широк, одной из таких мер является возможность привлечения несовершеннолетних к административной ответственности [8, с. 166].

В соответствии со ст. 2.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет [4]. Таким образом, законодатель устанавливает возрастную границу, по достижении которой лицо будет являться полноценным субъектом административных правоотношений, полагая, что шестнадцатилетнее лицо может осознавать противоправность своих действий и должно нести ответственность за совершённые им правонарушения.

© Таибова О. Ю., 2017

Следует отметить, что вопрос возраста наступления административной ответственности является достаточно актуальным и в настоящее время. Так, например, высказывается точка зрения, согласно которой несовершеннолетние должны подлежать административной ответственности по достижению семнадцатилетнего возраста. Другая группа учёных говорит о небольшой степени общественной опасности административных правонарушений и в связи с этим полагает нецелесообразным привлечение к ответственности лиц, младше шестнадцати лет. С.В. Горб не согласен с данной позицией авторов, указывая на то, что не во всех случаях совершения правонарушения основную роль играет степень общественной опасности и отмечает, что необходимо учитывать такие факторы, как деградация правосознания личности, чувство безнаказанности, а также то, что некоторые административные правонарушения способствуют, а иногда и приводят к совершению преступлений [2]. Данная позиция представляется нам обоснованной. Признавая за несовершеннолетними в силу их психического и физического развития ряд привилегий при привлечении к административной ответственности, необходимо также принимать во внимание современные тенденции, характеризующие рост правонарушений, совершённых несовершеннолетними, а также более ранее общее развитие подростков.

Достаточно распространённой является точка зрения, согласно которой необходимо снизить возраст административной ответственности до четырнадцати лет за ряд наиболее распространённых правонарушений, негативный характер и опасность которых очевидна даже для малолетнего лица. Отстаивая данную позицию, К.Н. Лобанов и С.А. Москаленко приводят статистические показатели, согласно которым в течение последних лет в отдельных регионах Российской Федерации наблюдается рост количества правонарушений, совершённых лицами, не достигшими возраста административной ответственности [5, с. 51]. Кроме того, в защиту данной позиции приводится существующая тенденция акселерации молодёжи, то есть более раннего взросления и развития несовершеннолетних, при котором в более раннем возрасте подростки способны давать адекватную оценку своим действиям и могут руководить ими.

Необходимо отметить, что практиками отмечаются негативные факты, когда в период отбывания наказания четырнадцатилетние подростки продолжают нарушать закон, совершая административные правонарушения и осознавая свою безнаказанность.

Совершение административного правонарушения, да ещё и безнаказанного правонарушения, безусловно, негативно влияет на поведение несовершеннолетних. Таким образом, в настоящее время отсутствует рычаг полномочий правоохранительных и других специализированных органов, задачей которых стоит снижение уровня преступности и правонарушений среди подростков, их правовое воспитание, искоренение правового нигилизма [2].

При привлечении несовершеннолетних к административной ответственности необходимо учитывать особенности их психологического и возрастного развития. В связи с этим, возникает вопрос определения осознания несовершеннолетним лицом общественной опасности совершённого правонарушения. Вместе с тем, следует помнить, что психологические и возрастные особенности конкретного несовершеннолетнего могут не соответствовать установленному в законе моменту наступления юридической зрелости. Это обусловлено тем, что этапы и границы детства в значительной степени

подвержены социальным изменениям. Подросток может отставать в своём развитии или, наоборот, развиваться быстрее своих сверстников.

Т.М. Занина отмечает, что установление возрастных границ должно учитывать происходящие в обществе изменения, в том числе и акселерацию молодёжи и, устанавливая тот или иной возраст привлечения к административной ответственности, законодателю необходимо принимать во внимание рекомендации медиков, психологов, правоприменительных органов, практику применения конкретных видов ответственности к несовершеннолетним правонарушителям. Во многих отраслях права (уголовном, гражданском и других), существуют специальные нормы, защищающие несовершеннолетних в подобных ситуациях. В административно-правовом статусе подростка данное положение не закреплено, что представляет собой правовой пробел, требующий законодательного урегулирования. Наступление административной ответственности возможно только для лиц, которые осознают фактический характер своих действий (бездействия) и понимают их социальное значение. Необходимо законодательно установить единый подход к решению вопроса возрастных ограничений, уровню психофизического и социального развития личности подростка [3, с. 1–2].

В КоАП РФ имеются пробелы относительно вопросов, кем и в каком порядке определяется состояние невменяемости лица (несовершеннолетнего), которое совершило правонарушение. Поскольку законодателем не предусмотрено проведение судебно-психиатрической экспертизы, К.Н. Лобановым предлагается закрепить в нём необходимость проведения психиатрического осмотра несовершеннолетних, если имеются основания полагать, что у несовершеннолетнего имеется психическое расстройство [5, с. 52]. Он также отмечает, что постановку вопроса перед соответствующими медицинскими учреждениями о проверке наличия у несовершеннолетнего психического расстройства целесообразно возложить на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, закрепив их права, обязанности и порядок направления на психиатрическую экспертизу в соответствующем нормативном акте.

По мнению А.С. Холева, закрепление данных предложений позволит решить ряд теоретических и практических проблем привлечения к административной ответственности несовершеннолетних, позволит повысить уровень защиты прав несовершеннолетних в рамках административного судопроизводства и создаст предпосылки для борьбы с правонарушениями данной категории граждан, необоснованным привлечением несовершеннолетних к ответственности [8, с. 251].

Говоря о проблеме несовершеннолетних в деликтных отношениях, С.Н. Махина отмечает, что нередко сам несовершеннолетний не является непосредственным правонарушителем – он участвует в противоправном деянии как бы опосредованно, при попустительстве или противоправном деянии иных (совершеннолетних) субъектов. То есть особенность административной ответственности несовершеннолетних заключается в том, что в значительном числе случаев к административной ответственности привлекаются не сами несовершеннолетние правонарушители (например, при недостижении ими возраста 16 лет, или в случае отсутствия у них собственного источника дохода), а их родители (опекуны, попечители) [6]. В этой связи отмечается, что указанные в ст. 5.35 и 20.22 КоАП РФ понятие «родители или иные законные представители несовершеннолетних» не охватывает весь возможный круг специальных субъектов административной ответственности по данным со-

ставам. Такое положение, как полагает ряд учёных, образует коллизию с п. 3 ст. 1073 ГК РФ, называющим этих лиц субъектами гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый несовершеннолетними. Анализируя изложенное, С. Н. Махиной предлагается расширить перечень, регламентированный законодателем, и в качестве субъектов ответственности определить родителей, иных законных представителей, а также лиц, на которых договором возложены обязанности по надзору за несовершеннолетним.

Кроме того, И. В. Афанасьев предлагает дополнить ст. 5.35 КоАП РФ частью 2.1, устанавливающей ответственность руководителей образовательных, воспитательных, лечебных либо иных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за ненадлежащее содержание, воспитание, обучение и (или) защиту прав и интересов несовершеннолетних, находящихся в указанных учреждениях.

Однако следует иметь в виду, что категория «законный представитель» является общей и включает в себя весь перечень субъектов, на которых лежит обязанность по воспитанию, содержанию и обучению несовершеннолетних. Основания возникновения представительства содержатся в нормах семейного, гражданского законодательства.

Доктор юридических наук В. Я. Неказаков отмечает, что сегодня назрела необходимость усилить ответственность родителей и лиц, их замещающих, поскольку установленные законом наказания не способны достичь цели привлечения к ответственности и не оказывают должного воздействия на виновных лиц [7, с. 67].

Наиболее распространёнными являются такие виды административных наказаний, как предупреждение, а также административный штраф, применяемые комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, что является явным недостатком действующего правового регулирования административной ответственности несовершеннолетних. В какой-то мере это компенсируется возможностью освобождения несовершеннолетнего в возрасте от 16 до 18 лет от административной ответственности с применением к нему предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних меры воздействия. Целесообразно было бы такие меры воздействия закрепить непосредственно в КоАП РФ. В этом плане показателен опыт Республики Казахстан. Так, Л.Б. Антонова отмечает, что в Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях имеется специальная глава 9 «Административная ответственность несовершеннолетних», в которой установлено, что на несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения, могут быть наложены административные взыскания с применением мер воспитательного воздействия. При назначении административного взыскания возможно применение следующих мер воспитательного воздействия: разъяснение закона; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Несовершеннолетнему может быть назначено одновременно несколько мер воспитательного воздействия.

Было бы разумным использовать опыт казахстанских законодателей и в нашей стране, выделив в КоАП РФ специальный раздел, посвящённый всем аспектам административной ответственности несовершеннолетних, тем более, что подобное давно уже используется в уголовном праве – в Уголовном

кодексе РФ имеется специальная глава 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [7, с. 67].

Следует согласиться с мнением С. Л. Баншиковой, согласно которому в правовом регулировании отношений в области установления и применения административной ответственности за неисполнение родителями (иными законными представителями) несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию существует ряд вопросов, требующих повышенного внимания. Среди них: недостаточная эффективность мер административной ответственности – предупреждения и административного штрафа, применяемых к родителям (иным законным представителям) несовершеннолетних, не исполняющим обязанностей по содержанию и воспитанию детей вследствие злоупотребления алкоголем, наркотическими веществами, нежелания иметь стабильный заработок, ставящих свою семью в социально опасное положение иными способами; осуществление производства по делам об административных правонарушениях, связанных с неисполнением обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав – органом, члены которого (в большинстве своем) не имеют юридического образования; и другие. С. Л. Баншикова впервые предлагает при рассмотрении дела об административном правонарушении, связанном с неисполнением родительских обязанностей, участие социального педагога как представителя несовершеннолетнего потерпевшего, права которого на содержание и воспитание нарушаются его родителями (иными законными представителями). Более того, С. Л. Баншикова полагает, что необходимо выделить состав административного правонарушения родителей (иных законных представителей) несовершеннолетних, когда неисполнение или ненадлежащее исполнение указанными субъектами обязанностей по воспитанию детей влечет совершение несовершеннолетним, не достигшим возраста административной или уголовной ответственности, деяния, содержащего признаки административного правонарушения либо преступления. Предлагается также ввести обязательные работы для родителей (иных законных представителей) несовершеннолетних, привлекаемых к ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, в виду неэффективности предупреждения и административного штрафа как мер воздействия на указанных субъектов, не исполняющих родительских обязанностей и злоупотребляющих алкогольной, спиртосодержащей продукцией, наркотическими средствами, а также не имеющих стабильного дохода [1, с. 6–13].

Учитывая изложенное, следует отметить, что в настоящее время административное законодательство, регламентирующее привлечение несовершеннолетнего к административной ответственности, имеет ряд пробелов. Полагаем необходимым акцентировать внимание законодателя на необходимости регламентации отдельных самостоятельных положений, касающихся ответственности несовершеннолетних. Более того, необходимость введения нормы, предусматривающей отдельные, наиболее распространенные среди несовершеннолетних противоправные посягательства, за которые можно снизить возраст привлечения лиц, не достигших совершеннолетия к административной ответственности, очевидна.

Библиографический список

1. *Банищикова С. Л.* Административная ответственность за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 35 с.
2. *Горб С. В.* Снижение возраста привлечения к административной ответственности как мера профилактики последующих правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-vozrasta-privlecheniya-k-administrativnoy-otvetstvennosti-kak-mera-profilaktiki-posleduyuschin-pravonarusheniy-i> (дата обращения: 22.03.2017).
3. *Занина Т. Н., Нехорошева С. С.* Совершенствование административно-правового статуса несовершеннолетних: проблемы и перспективы // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 4. С. 1–5.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп. от 17.04.2017 г. № 78-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; <http://www.pravo.gov.ru>, 17.04.2017.
5. *Лобанов К. Н., Москаленко С. А.* К вопросу об административной ответственности несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1. С. 48–53.
6. *Махина С. Н.* Деликтность несовершеннолетних: административно-правовое регулирование и направления совершенствования законодательства. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/deliktnost-nesovershennoletnih-administrativno-pravovoe-regulirovanie-i-napravleniya-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva> (дата обращения: 21.03.2017).
7. *Неказаков В. Я.* Конституционно-правовые основы защиты прав несовершеннолетних по делам об административных правонарушениях // Бизнес в законе. 2010. № 1. С. 67–70.
8. *Полякова Н. В., Антонова Л. Б.* Проблемы административной ответственности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 1. С. 166–170.
9. *Холев А. С.* К вопросу о проблемах административной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия // Наука и современность. 2014. № 3. С. 251–255.

ББК 67. 404

*Е. В. Тресцова***ПРАВА НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО
И ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Обновление положений Гражданского кодекса Российской Федерации привело к реформированию института нотариата. Осуществление нотариальной деятельности требует обеспечения гражданских прав физических и юридических лиц посредством юридических гарантий в механизме ее реализации. Важное место среди них занимает удостоверение нотариусом сделок с недвижимым имуществом и взаимодействие с органами по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

© Тресцова Е. В., 2017

• Серия «Естественные, общественные науки»

Ключевые слова: реформа ГК РФ, законодательство о нотариате, нотариальная деятельность, удостоверение нотариусом сделок с недвижимым имуществом, регистрация прав на недвижимое имущество, задачи обеспечения прав на недвижимое имущество, механизм их реализации нотариатом.

Updating of provisions of the Civil code of the Russian Federation led to reforming of institute of the notariate. Implementation of notarial activities requires the providing the civil laws of physical persons and incorporated persons by means of legal guarantees in the mechanism of its implementation. The notary's certificate of real estate transactions and interaction with bodies for the state registration of the rights to real estate and transactions with it plays the important role among them.

Key words: reform of the Civil Code of the Russian Federation, legislation on notariate, notarial activities, notary's certificate of real estate transactions, the registration of the rights to real estate, tasks of the providing rights to real estate, mechanism of their implementation of a notary.

В механизме обеспечения субъективных гражданских прав в имущественном обороте возрастает роль органов нотариата, которая претерпевает значительные изменения на этапе реформирования гражданского законодательства и законодательства о государственной регистрации недвижимости [2, с. 38–39]. Частичное возвращение обязательной нотариальной формы для некоторых сделок с недвижимым имуществом вызвала дискуссию о ее эффективности в процессе осуществления прав на жилые помещения и иные объекты недвижимости [1, с. 4].

Нотариальное сообщество узаконило возможность совершения таких сделок у любого нотариуса в пределах территории субъекта Российской Федерации, а не только у нотариуса по месту нахождения недвижимой вещи. Оно также определило юридические гарантии осуществления нотариальной деятельности по удостоверению сделок с недвижимым имуществом через механизм доступного для каждого заявителя, обратившегося к нотариусу, тарифа [4, с. 34–35]. Были установлены условия взаимодействия нотариальных органов с органами по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним посредством проведения правовой экспертизы законности удостоверенной нотариусом сделки, сбора документов, необходимых для ее заключения на бумажных и электронных носителях информации, и их проверки на предмет соответствия по форме и содержанию требованиям закона. Кроме того, нотариус может реализовать принцип «единого окна», направляя документы по сделке в регистрирующий орган, а после проведения процедуры государственной регистрации прав передает их заявителю [6, с. 27].

Таким образом, неприятие корпоративным сообществом коммерческих организаций «духа нотариальной формы сделки» позволила перенести ее бремя на физических лиц при условии, что именно граждане, как правило, лишены квалифицированной юридической помощи при оформлении сделок с недвижимостью и испытывают негативные последствия при признании таких сделок недействительными. При этом для корпоративных юридических лиц роль нотариуса усиливается за счет участия в проведении собраний хозяйственных обществ, регистрации юридических лиц, изменении их учредительных документов, удостоверении отчуждения доли в уставном капитале, выходе участника из состава общества, ведении списка участников хозяйственных обществ и выдача выписок из такого списка [3, с. 30].

Необходимо отметить, что перечень нотариально удостоверенных сделок касается сложных по своим юридическим элементам действий, а именно:

по отчуждению доли в праве общей собственности на недвижимое имущество, включая куплю-продажу, мену, дарение; распоряжению недвижимым имуществом несовершеннолетних и ограниченных в дееспособности граждан, в том числе сделок в порядке опеки и доверительного управления; разделу имущества супругов. Как указывают специалисты, подобного рода сделки не лишены экономических рисков, требуют глубокого методического сопровождения в части проработки формулировок их существенных условий, влекут составление эксклюзивных, а не типовых форм юридических документов [5, с. 12]. Судебная практика подобные сделки относит к оспоримым, даже если они и прошли процедуру государственной регистрации на предмет законности оснований перехода вещных прав по ним, а также оценку корректности ограничений (обременений), присутствующих в таких соглашениях прав сторон или объекта недвижимого имущества [7, с. 15].

Как определялось нами ранее, в сделках с недвижимостью, удостоверенных нотариально, принято выделять общие и специальные средства, гарантирующие механизм их правового обеспечения [8, с. 48–49]. Общие гарантии связаны с требованием о полной имущественной ответственности нотариусов по сделкам, что реализуется через институт обязательного имущественного страхования гражданско-правовой ответственности нотариуса от потенциальных рисков. При этом договор имущественного страхования не только обязателен, но и предполагает его заключение на сумму не менее пяти миллионов рублей со страховой организацией, прошедшей аккредитацию в Федеральной нотариальной палате (далее – ФНП). Если страховое возмещение по договору не покрывает причиненных убытков стороне по сделке, то применяется другая гарантия о коллективной ответственности нотариусов за счет отчислений части нотариального тарифа в нотариальную палату субъекта РФ. Подобное саморегулирование подкрепляется формированием на государственном уровне компенсационного фонда за счет нотариальных отчислений в ФНП. Требование о покрытии рисков от нотариальной деятельности за счет средств компенсационного фонда предполагается с 1 июля 2017 года.

Специальными гарантиями в реализации сделок с недвижимостью закон называет взаимодействие нотариальных и регистрирующих органов по обмену информацией о зарегистрированных правах, их ограничениях, обременениях недвижимого имущества на основании запроса нотариуса из Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН). Запрошенная информация позволяет нотариусу правильно составить документ о сделке, включив в него условия о принадлежности объекта недвижимости заявителю, указать обременение объекта недвижимости правами третьих лиц, без чего документ о сделке может не пройти правовую экспертизу органа по государственной регистрации прав на недвижимое имущество. При этом нотариус гарантирует установление личности сторон сделки, объем их дееспособности, понимание ими смысла и значения своих действий в отношении сделки, ее соответствие по форме и содержанию закону, что обеспечивается удостоверительной надписью на документе. К сделке нотариус прилагает перечень необходимых документов, в частности, согласие уполномоченных органов и лиц, проверяет их на предмет соответствия закону. Кроме того, нотариус оценивает описание недвижимого имущества, включая его наименование, существенные характеристики, положения в составе другой недвижимости. Место нахождения, наличие кадастрового номера. При несоответствии в документах сведений о недвижимости, их расхождении, ином несоответствии

рекомендуется провести индивидуализацию объекта с использованием иных документов, информации, лично запрошенной нотариусом от уполномоченных лиц, а также содержащейся в электронных реестрах Единой информационной системы нотариата (далее – ЕИСН) [9, с. 33].

С учетом изложенного, можно констатировать, что в условиях модернизации российского гражданского законодательства и законодательства о нотариате складывается модель гарантированного участия в сделках с недвижимостью нотариуса и расширение его функций в процессе нотариального удостоверения сделок с недвижимостью за счет взаимодействия с органами по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним и обмена информацией по каждой совершенной сделке с недвижимостью.

Библиографический список

1. *Абрамова Е. Н.* К вопросу о понятии формы сделки // *Нотариус*. 2015. № 6. С. 3–7.
2. *Быкопя Р. Е., Николаев С. Н.* Участие нотариуса в гражданско-правовом обороте недвижимого имущества // *Нотариус*. 2016. № 2. С. 38–41.
3. *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. : Статут, 2016. 431 с.
4. *Касаткина А. Ю.* Участие нотариуса в обороте недвижимости // *Нотариус*. 2016. № 2. С. 33–36.
5. *Кириллова Е. А.* Обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью: реальность и перспективы // *Нотариус*. 2015. № 6. С. 11–13.
6. *Липски С. А.* Новый этап законодательного регулирования регистрации сделок с недвижимостью и прав на нее и некоторые аспекты участия в этом нотариуса // *Нотариус*. 2016. № 1. С. 25–28.
7. *Ситдикова Л. Б.* Эффективность действия норм в гражданском праве России (на примере предложения о введении обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью) // *Нотариус*. 2013. № 5. С. 14–17.
8. *Тресцова Е. В.* Права на недвижимое имущество и их обеспечение в механизме осуществления нотариальной деятельности // *Бюллетень нотариальной практики*. 2017. № 1. С. 46–48.
9. *Фомин В. А., Ралько В. В.* Нотариальное удостоверение сделок на условиях доверительного управления // *Нотариус*. 2016. № 4. С. 32–36.

ЖЕНСКОЕ СУПРУЖЕСКОЕ НАСИЛИЕ: ИСТОКИ, ФОРМЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье обосновывается актуальность проблемы женского супружеского насилия. Проведенное исследование выявляет: отношение населения к актуализации проблемы насилия над мужчинами в семье; факторы, формирующие женское супружеское насилие, формы его проявления и последствия для мужчин.

Ключевые слова: женское супружеское насилие, формы насилия над мужчинами в семье, последствия насилия для мужчин.

The article deals with the female spouse violence problem. The undertaken research shows the attitude of people towards violence over men in families; it also reveals factors leading to female violence as well as the forms the violence takes and its consequences for men.

Key words: female spouse violence, the forms violence over men in families, consequences of violence for men.

В научной литературе понятие «*насилие*» имеет множество подходов, определяемых предметом исследования. В обобщенном виде под насилием понимается форма принуждения со стороны одной группы людей (отдельного человека) по отношению к другой группе (отдельному человеку) с целью приобретения или сохранения определенных выгод и привилегий, завоевания политического, экономического и *любого другого господства* [7, с. 288].

Семейное насилие – это разновидность насильственного поведения членов семьи или близких людей по отношению друг к другу с целью подчинения и удовлетворения насильником своих интересов за счет жертвы. В семейном насилии выделяют следующие виды: насилие над детьми, насилие в отношении престарелых или больных членов семьи, жесткий диктат родителей над взрослыми детьми, насилие в отношениях свекрови и невестки и пр., а также супружеское насилие. При рассмотрении феномена *супружеского насилия* следует разграничивать насилие мужей над женами и насилие жен над мужьями, т.е. *женское супружеское насилие*.

Актуальность проблемы женского супружеского насилия обусловлена тем, что большинство исследований насилия в семье как в России, так и за рубежом проводятся с позиций феминистской теории, основными постулатами которой являются следующие: 1) патриархат, или гендерное неравенство в пользу мужчин, в распределении власти в политической, экономической и социальной сферах общества также переносится и в сферу семейных отношений, где мужчины, используя насилие над женщинами, устанавливают существующее неравенство в отношениях; 2) насилие в семье совершается в ос-

новном мужчинами против женщин; 3) если женщины совершают насилие против мужчин, то исключительно в целях самообороны; 4) мужчины почти никогда не становятся жертвами внутрисемейного насилия. Однако обзор результатов некоторых исследований показал нарастающую критику феминистской теории [3], которая способствовала появлению новой позиции в науке, состоящей в том, что мужчина также может стать жертвой женского супружеского насилия.

Одной из первых работ, посвященной проблеме насилия в семье, совершаемого женщинами над мужчинами, явилась работа С. Стайнметц «Синдром избиваемого мужчины» (1977 г.), где автором были подняты вопросы общественного осмеяния мужчин – жертв и проблемы латентной виктимизации (провоцирование жестокости по отношению к себе) мужчин в семье/интимных отношениях. В 1975 г. и затем в 1985 г. М. Страус и Р. Геллес провели национальные репрезентативные исследования в США, которые показали, что уровень совершаемого женщинами физического насилия в семье сопоставим с мужским и даже превышает его. В 1995 г. М. Страус выдвигает проблему женской преступности в семье на первый план, озаглавив свою статью «Женское насилие в отношении мужчин как социальная проблема». Следом появляются работы, прямо заявляющие о проблеме избиваемых в семье мужчин, в частности, книга Ф. Кука «Избиваемые мужчины: скрытая сторона домашнего насилия» (1997 г.), книга К. Соммерс «Война против парней: как неуправляемый феминизм вредит молодым мужчинам» (2000 г.). Работа Л. Миллс «От оскорбления к травме» (2003 г.) и других авторов, в частности работы К. Соммерс и П. Пирсон, посвящены переосмыслению роли женщины в совершении насилия в межличностных отношениях и необходимости умеренного применения теорий радикального феминистского толка в изучении проблемы межличностного насилия [4, с. 46].

В отечественной науке также появились интересные работы, акцентирующие внимание на рассмотрении супружеского насилия в отношении мужчин, предлагающие уход от одностороннего изучения насильственного поведения супругов. Наиболее значимыми среди них можно назвать исследования А. В. Лысовой «Женская агрессия и насилие в семье» (2008 г.) и Е. А. Брайцевой «Женское супружеское насилие» (2009 г.). Однако таких исследований крайне мало.

Справедливости ради надо отметить, что в последнее время вопросы супружеского насилия над мужчинами все более актуализируются. Так, в сети Интернет появились отдельные (правда, немногочисленные) научные статьи, встречаются выступления мужчин с жалобами на семейную тиранию, проводятся даже видео-лекции о жестокости и агрессии женщин и др. Более того, 9 апреля объявлен Всемирным днем борьбы против насилия женщин над мужчинами!

Объяснением женского супружеского насилия служат следующие факты. В современных постпатриархальных обществах, включая Россию, женщины добились почти равных с мужчинами прав и свобод. Говоря о России, следует отметить, что изменения, произошедшие в социально-экономических отношениях, вызвали трансформацию ценностных установок населения, ведущей из которых стала ориентация на материальное благополучие. Мужчина же, перестав быть основным «кормильцем семьи», часто не может обеспечить его необходимого уровня. Кроме того, сегодня не существует жесткого закрепления семейно-бытовых ролей за каждым из супругов. И, наконец,

резкое и все углубляющееся расслоение населения способствует социальной напряженности и напряженности в межличностных отношениях, а отсюда и возросшей агрессивности женщин в силу необходимости соперничества в конкурентной борьбе за рабочее место, карьеру, бизнес [5, с. 287].

Таким образом, значимость научной разработки проблемы женского супружеского насилия сохраняется как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне, в связи с чем на кафедре социальной работы в 2015 г. было проведено исследование, цель которого заключалась в том, чтобы определить факторы, способствующие формированию насилия над мужчинами в семье, формы проявления женского супружеского насилия и последствия его для мужчин.

В опросе приняло участие 500 жителей г. Иваново и Ивановской области (50 % мужчин и 50 % женщин) в возрасте от 20 до 60 лет и старше. В социально-демографических характеристиках респондентов выделяются: высокий уровень образования (61,6 % опрошенных имеют незаконченное высшее, высшее или несколько высших образований); абсолютное большинство респондентов (84,6 %) имеет опыт семейной жизни (женаты, состоят в гражданском браке, разведены, вдовцы); являются представителями различных сфер деятельности, – то есть респонденты выборки были способны адекватно оценить вопросы по изучаемой проблеме.

Перед проведением основного исследования нами был применен метод фокус-групп (где респонденты заранее знакомятся с темой обсуждения) для выявления в сознании населения существования проблемы женского супружеского насилия как таковой. К участию в фокус-группах было привлечено 40 человек, мужчин и женщин. Респонденты были разбиты на три группы: первая группа состояла из 10 мужчин, вторая – из 10 женщин, третья – из 10 мужчин и 10 женщин.

Отвечая на один из основных вопросов исследования: «Как Вы считаете, существует ли в настоящее время в семье проблема жестокого обращения с мужчинами со стороны женщин?» –75,0 % респондентов указали на наличие такого явления. Интерес представляет рассмотрение ответов на этот вопрос в зависимости от состава фокус-групп (табл.).

Оценка наличия проблемы насилия над мужчинами в семье в зависимости от состава фокус-групп, в % (N=40 чел.)

Состав фокус-группы	Существует ли проблема?	
	да	нет
1 фокус-группа (10 мужчин)	60,0	40,0
2 фокус-группа (10 женщин)	80,0	20,0
3 фокус-группа (10 мужчин, 10 женщин)	75,0	25,0

Данные свидетельствуют о том, что существование проблемы признается участниками всех фокус-групп, однако, в группе, представленной только мужчинами, выявляется наибольшее ее отрицание, что может быть воспринято как нежелание мужчин признавать саму возможность насилия над ними со стороны женщин. При этом показательно, что в группе женщин отмечается наиболее высокое осознание данной проблемы как существующей. Данное обстоятельство указывает на то, что женщины косвенно ассоциируют себя с агрессорами в семье и признают этот факт.

Таким образом, предварительное исследование утвердило нас в актуальности проблемы насилия над мужчинами в семье, которая, однако, не выносятся на обсуждение общественности.

Для изучения предпосылок возникновения агрессии и насилия в семье в задачи основного исследования входило изучение особенностей ролевого распределения в семье. В целом по выборке (500 чел.) мужчину считают главой семьи 53,2 % респондентов, считают жену главой семьи – 9,4 % опрошенных, а 37,4 % признают равноправие в главенстве. При этом мужчины чаще всего не признают за женщиной главенствующей позиции в семье (82,4 % мужчин называют себя главой семьи), женщины же чаще всего указывают на равенство обоих супругов (60,0 %). Правда, около трети женщин-респондентов в наиболее активном возрасте (21–50 лет) отмечает свое главенство в семье, что, учитывая противоположное мнение мужчин, может являться источником противодействия в семье.

Оценивая свой статус в семье, 57,2 % мужчин считают его высоким (33,6 %) и очень высоким (23,6 %); 14,2 % указывают на средний уровень статуса, 14 % – на низкий, и еще 14,6 % затруднились его оценить.

Оценки статуса мужчины в семье определяются следующими факторами: его приоритетом в материальном обеспечении семьи и решении семейных вопросов, авторитетностью мнения супруга в семье.

Данные опроса показывают, что только около четверти респондентов (24,2 %) полагают, что больший доход в семье принадлежит мужу, 12,4 % отдают первенство в финансовом обеспечении жене, подавляющее же большинство опрошенных (63,4 %) считают, что бюджет семьи формируют оба супруга в равной степени. Следовательно, отмечается факт снижения роли мужчин в материальном обеспечении семьи.

Показательны ответы на вопрос: «Кто в Вашей семье решает следующие вопросы?» Они распределились следующим образом:

- о текущих расходах: муж – 11,0 %, жена – 65,0 %, оба – 24,0 %;
- о покупке дорогостоящих вещей: муж – 23,0 %, жена – 48,0 %, оба – 29,0 %;
- о воспитании детей: муж – 2,0 %, жена – 64,0 %, оба – 34,0 %;
- о проведении досуга: муж – 3,1 %, жена – 7,7 %, оба – 89,2 %.

Таким образом, наиболее значимые для семьи вопросы решает в основном женщина, что свидетельствует о том, что мужчина по большей части самоустраивается от бытовых насущных проблем.

Вследствие этого, отвечая на вопрос: «Всегда ли Ваша жена считается с Вашим мнением?» – 45,8 % мужчин выборки выбирают ответ «всегда», 24,8 % признаются, что «не всегда», 14,1 % указывают, что «практически не считается», а 15,3 % затруднились ответить, то есть более половины мужчин-респондентов указали на недостаточность влияния собственного мнения в семье. Поэтому можно сделать вывод о том, что номинально мужчина считает себя главой семьи, о чем было сказано выше, а фактически в большинстве случаев авторитетность его как главы семьи можно поставить под сомнение.

Исходя из *теории ресурсов*, к которой исследователи обращаются в объяснении истоков насилия, можно говорить о том, что, когда ресурсы мужа ниже ресурсов жены, а статус мужчины не подтверждается должным образом, то он более подвержен супружескому насилию.

Кроме того, как свидетельствуют материалы нашего исследования, женщины указывают на следующие причины насильственных действий против мужа: конфликты на бытовой почве – 45,6 %, реакция на агрессию со

стороны мужа – 36,4 %, низкая культура семейного общения – 15,9 %, копирование модели поведения родителей – 2,1 %.

Женское супружеское насилие имеет общие и специфические формы проявления.

К общим формам относятся физическое, психологическое, экономическое и сексуальное насилие.

Физическое насилие – преднамеренное нанесение мужчине побоев, травм, повреждений, вследствие чего страдает его здоровье. Это толчки, пощечины, удары кулаком, ногой, использование тяжелых предметов, оружия и другие внешние воздействия, которые приводят к болевым ощущениям и травмам.

Психологическое насилие в отношении мужчин подразумевает наличие вербальных оскорблений, шантаж, угрозы, преследования, контроль над деятельностью, контроль над кругом общения, публичные скандалы, принуждение к исполнению унижающих обязанностей и др. Основные способы психологического давления: изоляция (информационная и даже физическая; лишение информации или строгий контроль за ней); дискредитация (лишение права на собственное мнение, осмеяние и неконструктивная критика); унижения и издевки в присутствии других людей; непоследовательные и непредсказуемые требования и пр.

Психологическое насилие является наиболее распространенным и присутствует практически во всех случаях насилия в семье.

Широта и изощренность форм психологического насилия затрудняет их классифицирование. Кроме того, оно часто выступает вместе с другими видами насилия [2, с. 95].

Экономическое насилие часто считают разновидностью психологического насилия, поскольку оно начинается одновременно с ним и включает похожие тактики, которые действуют на жертву аналогичным образом [6, с. 332]. Экономическое насилие часто определяется как любые действия, которые направлены на то, чтобы у мужчины не было ресурсов для своей экономической независимости.

Виды экономического насилия в отношении мужчин включают: упреки в низких заработках; утаивание доходов; принятие денежных и финансовых решений без согласия мужчины; выдача мужчине неоправданно маленьких сумм на содержание, которые не могут окупить даже самые минимальные затраты на себя; требование детальнейших отчетов, как и на что тратятся деньги; эксплуатация финансовых ресурсов ради собственной выгоды; подделка документов для получения доступа к банковскому счету мужчины или оформление кредита без его согласия и др.

Сексуальное насилие включает в себя секс без обоюдного согласия, против желания, с применением физической силы, угроз, запугивания, как средство унижения и оскорбления. В отношении мужчин применяются следующие тактики: наказание ограничением сексуальных отношений, упреки в сексуальной несостоятельности, бесплодии; намеренное заражение венерическими заболеваниями и т. п.

Наше исследование также выявило указанные формы семейного насилия в отношении мужчин. В целом по выборке их ранжирование имеет следующий вид: психологическое насилие – 62,4 %, экономическое – 26,2 %, физическое – 11,2 %, сексуальное – 0,2 %.

Следует отметить, что применяемые к мужчинам формы насилия в оценке мужчин и женщин не слишком разнятся: отмечают психологическое

насилие 52 % мужчин и 60 % женщин, экономическое насилие – 32 % мужчин и 32 % женщин, физическое насилие – 12 % мужчин и 8 % женщин, сексуальное насилие – 4 % мужчин и 0 % женщин.

При этом среди мужчин признание наличия насильственных действий в отношении них со стороны женщин характерно в большей мере для возрастных групп 31–40 лет (77,3 %) и 41–50 лет (33,3 %), т.е. тех, где чаще отмечаются семейные кризисы.

Мужчины-респонденты нашего исследования указывают, что в качестве психологического насилия они расценивают вмешательства в личную жизнь, ревность (72,0 %), препятствия в общении с родственниками, друзьями (40,8 %), непристойные шутки, замечания (25,8 %), брань, ругательства, оскорбления (15,0 %), угрозы, запугивания (48,0 %), вмешательства в трудовую деятельность (3,6 %); в качестве экономического насилия – отказ в денежных средствах и отказ в свободе распоряжения собственными средствами (60,0 %); в качестве физического насилия – избиения, побои (45,2 %); в качестве сексуального насилия – принуждение к сексу, когда мужчина к этому не готов (4,0 %).

Таким образом, исследование показало, что и мужчины, и женщины признают факт женского супружеского насилия, основными формами которого являются психологическое и экономическое насилие, которые в повседневной жизни, без привлечения к этому внимания, большинством населения и не расцениваются в качестве насилия.

Как уже было отмечено, исследователи выделяют и специфические формы женского супружеского насилия:

- социально-статусное – лишение мужчины статуса отца посредством запрета контактов с ребенком;
- бытовое – пренебрежение хозяйственными обязанностями, лишение заботы, ухода за мужем;
- единоличное решение об аборте или сохранении беременности;
- ухудшение отношений с родителями супруга, настраивание его против отца и матери, настраивание детей против бабушки и дедушки [1, с. 21–22].

В задачи нашего исследования входило изучение последствий для мужчин женского супружеского насилия. На вопрос: «Как Вы считаете, какие сферы жизни мужчин в большей степени претерпевают изменения в результате насилия?» – ответы распределились следующим образом: профессиональная деятельность – 17,8 %, самосознание и самооценка – 34,4 %, досуговая деятельность – 10,2 %, взаимоотношения с окружающими – 22,8 %, бытовые вопросы – 11,4 %, жилищная устроенность – 3,4 %.

При этом и мужчины, и женщины достаточно единодушны в том, что в результате насилия претерпевают изменения самооценка мужчин (причем женщин, осознающих это, в 1,4 раза больше, чем мужчин) и взаимоотношения с окружающими. Мужчины отмечают, что в результате насилия страдает и профессиональная деятельность.

В качестве психологических последствий переживаемого насилия респонденты выборки назвали: неуверенность в себе – 40,6 %, неуверенность в людях – 58,6 %, остро переживаемое чувство одиночества – 7,0 %, уход в хобби – 22,8 %, чувство вины – 24,0 %.

Следует отметить, что и мужчины, и женщины всех возрастных категорий называют главным последствием насилия неуверенность в себе; на одиночество указывают старшие возрастные категории (51–60 лет и старше)

мужчин и женщин; уход в хобби отмечают мужчины и женщины до 20 лет и 21–30 лет; на чувство вины указывают мужчины и женщины 21–50 лет. Следовательно, и мужчины, и женщины достаточно адекватно и практически одинаково осознают психологические последствия пережитого мужчиной насилия в семье.

Кроме того, мужчины выборки указывают, что в результате пережитого насилия находятся в состоянии стресса – 35,6 %, отмечают ухудшение здоровья – 3,4 %, невозможность работать – 1,3 %, проблемы с алкоголем – 21,6 %, желание уйти из дома – 6,8 %, думают о разводе – 31,3 %.

Следовательно, насилие над мужчинами в семье приводит их к депрессивно-стрессовым состояниям, а выход из них угрожает существованию самой семьи.

Однако на вопрос: «Как вы считаете, является ли проблема насилия над мужчинами в семье общественным делом?» – получены следующие ответы: да, является – 35,6 %, нет, это личное дело – 43,2 %, затруднились ответить – 21,2 %.

Данные показывают, что около половины респондентов считают проблему личной и не хотят выносить ее на обсуждение, что, однако, не снимает необходимости дальнейшего изучения данной проблемы для разработки мер профилактики семейного насилия.

Исследование показало, что для значительной части респондентов проблема женского супружеского насилия является актуальной. Проявления его в различных формах имеют негативные последствия как для самоуважения, здоровья мужчин, так и для семьи в целом, поскольку сниженный авторитет отца транслируется как норма в социализации будущих мужей и жен, что, безусловно, ведет к еще большему разрушению семейных ценностей.

Библиографический список

1. *Брайцева Е. А.* Женское супружеское насилие : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2008. 30 с.
2. *Ершова Е. Н.* Домашнее насилие: социально-правовой аспект: учебно-методическое пособие. М. : МАКС-Пресс, 2009. 292 с.
3. *Лысова А. В.* О границах радикальной феминистской теории в объяснении насилия в семье // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 110–117.
4. *Павленок П. Д.* Теория и практика социальной работы. М. : Дашков и К., 2012. 519 с.
5. *Пушина В. Н., Сабусов И. А.* Проблема насилия над мужчинами в семье как феномен современности // Социокультурные корни насилия в современном обществе: материалы международной конференции. Нижний Новгород, 2012. с. 286–289.
6. *Солнцева Н. В.* Насилие в семье: гендерный аспект. Гендерная психология. Практикум, 2-е изд. СПб. : Питер, 2009. 496 с.
7. *Социология молодежи: энциклопедический словарь* / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров М. : Akademia, 2008. 608 с.

СУЛЬФОНИЛИРОВАНИЕ АРОМАТИЧЕСКИХ УГЛЕВОДОРОДОВ КАК ФУНКЦИЯ МОЛЕКУЛЯРНОГО ЭЛЕКТРОСТАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕАКЦИОННОГО ЦЕНТРА

Атомный электростатический потенциал реакционного центра (атома углерода ароматической системы) как дескриптор реакционной способности позволяет описать мета-/пара-селективность реакции ароматического сульфонилирования с учетом наблюдаемого изотопного эффекта.

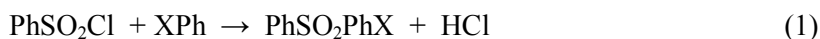
Ключевые слова: атомный электростатический потенциал, ароматическое сульфонилирование, квантово-химические дескрипторы.

The atomic electrostatic potential of the reaction centre (the atom of carbon of the aromatic system) as descriptor of reaction ability allows to describe meta-/para-selectivity of aromatic sulphonilation reactions with provision for the observed isotope effect.

Key words: atomic electrostatic potential, aromatic sulphonilation, quantum-chemical descriptors.

Введение

Реакционная способность органических соединений и механизмы органических реакций могут быть исследованы различными методами, в том числе основанными на приложении теории DFT к количественной теории жестких и мягких кислот и оснований [3]. Для описания химической активности молекул методами квантовой химии рассчитываются их параметры, называемые DFT-индексами реакционной способности (далее – ИРС), величины которых характеризуют как активность молекулы в целом, так и активность отдельных реакционных центров (так называемые локальные ИРС). К последним относится молекулярный электростатический потенциал (МЭП) на реакционном центре (Vesp) [7]. Поскольку интерес представляет потенциал на конкретном реакционном центре, его называют также атомный электростатический потенциал (АЭП). Для анализа селективности реакции ароматического сульфонилирования (1) этот метод ранее не применялся.

Результаты и их обсуждение

Расчет структур ароматических соединений проведен программным комплексом ADF 2014.04 [2] на уровне теории M06/6-311+G* в рамках метода SMD [6] для учета неспецифической сольватации в среде 1,2-дихлорэтана, который был использован автором [1] в качестве реакционной среды для реакции (1).

Данный метод учета сольватации считается одним из достаточно точных при оценке свободных энергий сольватации (до 0.6 – 1.0 ккал/моль [8]).

При этом зависимость факторов парциальных скоростей (ФПС) реакции сульфонилирования (1) ароматических углеводородов бензолсульфонилхлоридом в среде 1,2-дихлорэтана нелинейна (рис.) с минимумом, наблюдающимся при переходе от донорных заместителей в ароматическом субстрате (алкильных групп) к акцепторным (галогенам), что свидетельствует об изменении стадии, лимитирующей скорость реакции, при реализации циклического переходного состояния, соответствующего механизму S_{Ei} [1].

При этом для доноров определяющим является анионоидный отрыв уходящей группы – хлорид-аниона от атома сульфонильной серы в переходном состоянии, близком к тетраэдрическому интермедиату, а для акцепторов – нуклеофильная атака ароматической системы, поскольку нуклеофильность галогенбензолов ниже таковой для алкилбензолов. На это указывает тренд зависимости на рисунке – отрицательный для заместителей-доноров и положительный для заместителей-акцепторов (суммарно V-образный).

Молекулярный электростатический потенциал XPh

X в XPh	Vesp(o-)	Vesp(m-)	Vesp(p-)	logF [1]
H			-14.777105	0.0
H	-14.777077			0.0
H		-14.777071		0.0
4-Me			-14.784216	1.4986
3-Me		-14.7816762		0.4048
2-Me	-14.783624			0.9274
4-Et			-14.783276	1.4451
3-Et		-14.780884		0.3850
2-Et	-14.782148			0.5282
4-i-Pr			-14.783566	1.4242
3-i-Pr		-14.781507		0.3633
2-i-Pr	-14.782899			0.0170
4-Cl			-14.760714	-0.5366
4-Br			-14.767369	-0.7282

Примечание: F – факторы парциальных скоростей для процесса сульфонилирования XPh бензолсульфонилхлоридом (1) по *мета*- и *пара*-положениям в среде 1,2-дихлорэтана.

Данный результат согласуется с выводом автора работы [1], основанным на данных по изотопному эффекту гексадейтеробензола в его реакции с $PhSO_2Cl$. Однако увеличение КИЭ при смене $PhSO_2Cl$ (1.87 ± 0.03) на $PhSO_2F$

(2.27 ± 0.04) противоречит представлению об отрыве галогенид-аниона протонном ароматического кольца [1], поскольку во-первых, трехчленные переходные состояния практически не реализуемы из-за чрезвычайно высокой энтропии активации [5], и во-вторых, фторид-анион – жесткая частица и плохая уходящая группа и лучше связывается с протоном, чем Cl. Фторид-анион с сульфонилфториде должен облегчать катионоидный отрыв протона (дейтрона) от ароматической системы и тем самым уменьшать КИЭ. По всей видимости, переходное состояние имеет более сложную структуру, а лимитирующей является перенос фторид-аниона на димер хлорида алюминия, потерявшего один атом хлора.

Среда 1,2-дихлорэтана с его малой диэлектрической постоянной наиболее подходит для реализации циклического переходного состояния. При этом нуклеофильная атака ароматической системы на атом сульфониальной серы сопровождается передачей протона из σ -комплекса на хлорид-анион, который поставляет димер Al_2Cl_6 или, что менее вероятно, мономер $AlCl_3$. Одновременно уходящий из сульфонилхлорида Cl поглощается хлоридом алюминия. Изменение соотношения между этими процессами в согласованном, но несинхронном [4] переходном состоянии определяет нестабильность механизма.

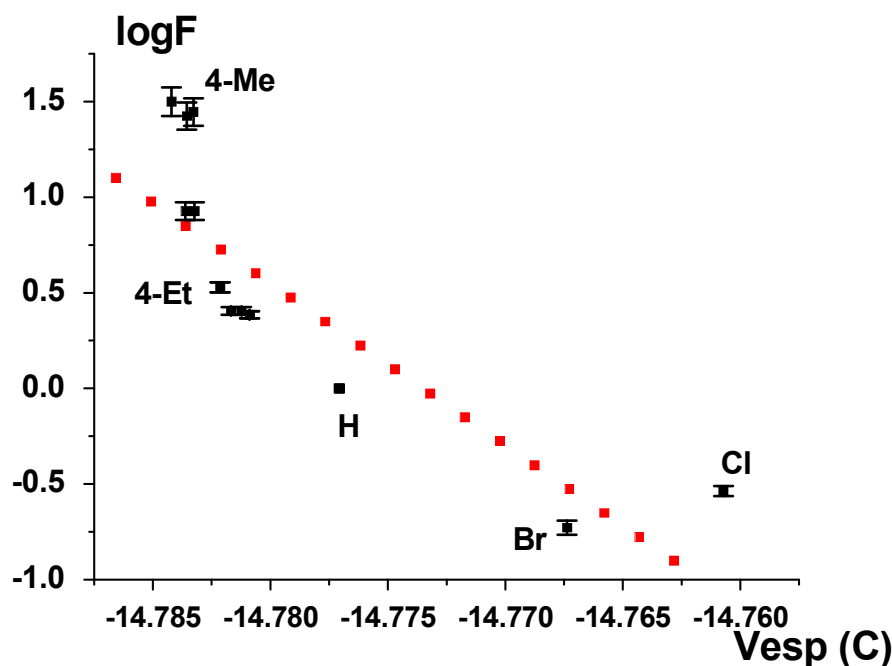

Рис. Факторы парциальных скоростей сульфонилования ароматических соединений как функция АЭП реакционного центра (атома углерода ароматического кольца)

Заключение

Таким образом, использование АЭП на реакционном центре – атоме углерода ароматической системы (углеводорода) в качестве дескриптора реакционной способности – позволяет описать селективность реакции ароматическо-

го сульфонирования с учетом наблюдаемого КИЭ и торможения реакции при переходе от сульфонилхлоридов к сульфонилфторидам как реагентам.

Библиографический список

1. *Иванов А. Н.* Изучение кислотнокатализируемых реакций образования и превращения сульфонов бензольного ряда. Иваново : ИХТИ. 1976. 26 с.
2. *Baerends E. J., et al.* ADF2014. SCM. Theoretical Chemistry. Vrije Universiteit. Amsterdam. The Netherlands. 2014. <http://www.scm.com>.
3. Concepts and methods in modern theoretical chemistry. Electronic structure and reactivity / Ghosh S.K., Chattaraj P.K., Eds. 2013. N.-Y. : CRC Press. 450 p.
4. *Dewar M. S. J.* Multibond Reactions Cannot Normally Be Synchronous // J. Am. Chem. Soc. 1984. Vol. 106. N 1. P. 209–219.
5. *Emsley J.* Very strong hydrogen bonding. // Chem. Soc. Rev. 1980. Vol. 9. P. 91–124. DOI: 10.1039/CS9800900091.
6. *Marenich A. V., Cramer C. J., Truhlar D. G.* Universal Solvation Model Based on Solute Electron Density and on a Continuum Model of the Solvent Defined by the Bulk Dielectric Constant // J. Phys. Chem. B 2009. Vol. 113. N 18. P. 6378–6396.
7. *Politzer P., Murray J. S.* The Fundamental Nature and Role of the Electrostatic Potential in Atoms and Molecules // Theor. Chem. Acc. 2002. Vol. 108. P. 134–142.
8. www.uwo.edu/kubeka-chem/implicit_solvent_models (8.01.2017).

Сведения об авторах

- КАРЛЯВИН**
Иван Юрьевич кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
гражданского права,
Ивановский государственный университет.
ivan.karl@mail.ru
- КОВАЛЬ**
Сергей Петрович кандидат исторических наук,
доцент кафедры конституционного,
административного и финансового права,
Ивановский государственный университет.
petrovitsch17@mail.ru
- КОЗЛОВ**
Павел Александрович старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права,
Ивановский государственный университет.
465119@mail.ru
- КРЫЛОВ**
Евгений Николаевич доктор химических наук,
профессор кафедры органической
и физической химии,
Ивановский государственный университет.
enk2000S@yandex.ru
- МАСЛОВА**
Светлана
Владимировна студентка 4-го курса
биолого-химического факультета,
Ивановский государственный университет.
pro100-svetic95@mail.ru
- ОЙКИН**
Вячеслав
Григорьевич доцент кафедры трудового и экологического
права, зам. начальника пенсионного фонда
Ивановской области,
Ивановский государственный университет.
Zam_opfr047@mail.ru
- ПОЦЕЛУЕВ**
Евгений Леонидович кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права,
Ивановский государственный университет.
elp777@yandex.ru
- ПУШИНА**
Валентина Николаевна кандидат экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой социальной работы,
Ивановский государственный университет.
socrabotaivgu@mail.ru

- ТАИБОВА**
Оксана Юркиновна кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного,
административного и финансового права,
Ивановский государственный университет.
- ТРЕСЦОВА**
Елена
Владимировна кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Ивановский государственный университет.
trestsova64@mail.ru
- ЦВЕТКОВ**
Михаил Юрьевич кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры основ
экономики, функционирования РСЧС,
Ивановская пожарно-спасательная академия МЧС РФ
kleopatra-lebedeva@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Естественные, общественные науки»
Доп. выпуск. Юриспруденция. Социальная работа. Химия**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*

редакторы *М. Б. Балябина,*

О. В. Батова, О. В. Боронина

технический редактор *И. С. Сибирева*

компьютерная верстка *О. С. Чуприной*

Дата выхода в свет 02.10.2017 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 100 экз. Заказ № 95. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

